

Предисловие

"Блоха" - опыт воссоздания русской народной комедии. Как и всякий народный театр - это, конечно, театр не реалистический, а условный от начала до конца, это - игра. Наиболее полно эта условность выражена в трех ведущих персонажах - ХАЛДЕЯХ. Халдеи пришли в "Блоху" одновременно и из старинного русского "действия", и из итальянской импровизационной комедии. Их русские предки - скоморохи, Петрушка, масленичный балаганный дед, медвежий вожак; их итальянские родичи - Бригелла, Панталоне, Капитан, Пульчинелла, Труфальдино. На протяжении игры каждый из халдеев переменяет несколько масок - несколько ролей.

Самое слово "халдей" - название старорусских комедиантов. Адам Олеарий в своем "Описании путешествия в Московию" пишет о них: "Они получали от патриарха разрешение в течение восьми дней перед Рождеством и вплоть до Крещения бегать по улицам... Одеты они были, как во время масленичного ряжения - на головах у них были деревянные размалеванные шляпы, а бороды были вымазаны медом, чтобы не загорались от огня, который они разбрасывали". В "Блохе" халдеи ведут всю игру и где надо - веселой выходкой поджигают и зрителей, и актеров.

Тематическим материалом для построения "Блохи" послужил бродячий народный сказ о туляках и блохе - и прекрасный рассказ Н. С. Лескова "Левша", представляющий собою литературную обработку народного сказа. Идея театрализовать этот материал возникла у А. Дикого, режиссера Московского Художественного театра 2-го, - для этого театра и была написана "Блоха".

В печатаемом ниже тексте "Блохи" учтен опыт сценической проработки пьесы в двух театрах - МХАТ 2-м и Ленинградском Большом драматическом; в частности, некоторые черты в образах Платова и 1-го Халдея связаны с исполнением этих ролей актерами МХАТ 2-го - А. Диким и В. Готовцевым.

Первое представление "Блохи" в МХАТ 2-м состоялось 11 февраля 1925 года. Первое представление "Блохи" в Ленинграде в Большом Драматическом театре было 25 ноября 1926 года. Для обеих постановок - декорации и костюмы по эскизам Б. М. Кустодиева.

Лица

УДИВИТЕЛЬНЫЕ ЛЮДИ ХАЛДЕИ - трое, один из них девка.

Донской казак ПЛАТОВ.

ЦАРЬ.

Министр граф КИСЕЛЬВРОДЕ.

ГОЛЛАНДСКИЙ ЛЕКАРЬ-АПТЕКАРЬ - 1-й Халдей.

ЦАРСКИЙ СКОРОХОД-КУРЬЕР - 2-й Халдей.

ФРЕЙЛИНА МАЛАФЕВНА - Халдейка.

Тульский оружейник ЛЕВША.

Оружейник СИЛУЯН.

Оружейник-старик ЕГУПЫЧ.

РАЁШНИК - 1-й Халдей.

ТУЛЬСКИЙ КУПЕЦ - 2-й Халдей.

ТУЛЬСКАЯ ДЕВКА МАШКА - Халдейка.

Аглицкий ПОЛШКИПЕР.

Аглицкий ПОЛОВОЙ, чернорожий.

Аглицкий ХИМИК-МЕХАНИК - 1-й Халдей.

Самолучший аглицкий МАСТЕР - 2-й Халдей.

Аглицкая девка МЕРЯ - Халдейка.

СВИСТОВЫЕ казаки Платова.

Царские ГЕНЕРАЛЫ.

ОКОЛОДОЧНЫЙ.

ЯМЩИК.

ДВОРНИК.

ГОРОДОВЫЕ.

ТУЛЯКИ.

МОРСКОЙ ВОДОГЛАЗ, он же ЧЕРТ Мурин.

Пролог

Первый - театральный - занавес поднят. За ним просцениум и второй - балаганный, яркий занавес; этот занавес еще опущен. На просцениум выходит 1-Й ХАЛДЕЙ.

1-Й ХАЛДЕЙ. Дорогие жители! Дозвольте вам представить мою краткую биографию из жизни, что я есть древнего халдейского происхождения - российского рождения. Папашу моего я не видал в глаза, а должность его была называемая коза, а именно - представлял штуки с ученым медведем Михайлой. Умные хвалили, дураки хаяли, потому - кроме потехи - кой-кому доставалось на орехи, чего и вам желаю.

А нынче я, ввиду прогрессу, честь имею вам предложить вместо медведя научную блоху, а также прочие были и небылицы про славную петербургскую столицу, про заграничных англичан-чудаков, а также про наших русских туляков! Это будет игра в четырех актах и трех антрактах, при настоящем электрическом освещении и в полном составе моих дорогих товарищей.

Так, например, в следующей персоне вы можете убедиться, что это есть наш знаменитый солист Петя, который играет их императорское велич... то есть вообще, извините, царя. Петя, покажись лично!

Выходит АКТЕР - не тот, который на самом деле играет царя.

Из чего вы можете видеть неподражаемое сходство.

А затем, наоборот, распоследний тульский Левша, который, однако, есть первый герой всему. Ваня, покажись!

Выходит "ВАНЯ".

Утрите нос! Благодарю вас!

Теперь мы начинаем. Прошу вас всех проливать смех и слезы по собственному желанию, но беспорядков при том отнюдь не производить. Эй, музыка!

Музыка. Открывается второй занавес.

Действие первое

Царский дворец. Петербург. Но Петербург - тульский, такой, о каком вечерами на завалинке рассказывает небылицы прохожий странник. Такой же и царский дворец.

На стене - рота ГЕНЕРАЛОВ, друг дружки старше. Из задних песок сыплется. Дворник с метлой замечает песок в угол. Камергерный генерал - с пришитыми к ягодицам золотыми ключами - выстраивает роту, выправляет строй: одному - брюхатому - чтоб не торчало пузо, другому - колченомому - чтоб не гнулись колени, третьему - у которого голова валится - чтоб держал голову женихом.

МИНИСТР ГРАФ КИСЕЛЬВРОДЕ (входит, приседая. Поклон публике и Генералам).

Здравствуйте, господа почтеннейшие! Уведомляю вас, что Царь нынче не выспался. Сердитый - ух! так сам себе навстречу и ходит. Беда!

КАМЕРГЕРНЫЙ ГЕНЕРАЛ (публике). Ага, струхнул немчур!

КИСЕЛЬВРОДЕ (умильно). Уж вы, миленькие, чего-нибудь ему такое-эдакое придумайте - не то всем нам капут. А уж я уж вам уж... и того, и сего, и этого... как говорится: по первое число... уж это, уж будьте спокойны.

КАМЕРГЕРНЫЙ ГЕНЕРАЛ (публике). Ну, завел финты-фанты, немецкие куранты!

Слышен шум, грохот.

КИСЕЛЬВРОДЕ. Ой, слышите, везут! Ой, везут! Ну, миленькие, с молитвой, по-русски... ну, как это? - выручай, матушка казанская... сирота! (Крестится.)

На золотом троне, на деревянных колесиках с грохотом ввозят Царя.

ЦАРЬ (кисло). Ну, здрасьте, что ли.

ГЕНЕРАЛЫ. Здра-жла-ваше-цар-ство!

Царь зеваает, почесывается. Все молчат.

ЦАРЬ (Генералам - сердито). Ну, что?

ГЕНЕРАЛЫ. Так точно, ваше цар-ство!

ЦАРЬ. Что так точно? Ну?

ГЕНЕРАЛЫ (переглядываются, подталкивают друг дружку. Потом - один, другой, третий). Не угодно ли вашему царскому величеству чего сладенького-кисленького покушать? Не угодно ли вашему царскому величеству Удивительных Людей поглядеть, послушать? Не угодно ли вашему царскому величеству...

ЦАРЬ (махнул рукой, чтоб замолчали). Неси. Зови.

КИСЕЛЬВРОДЕ. Неси! Зови! (Царю.) Сейчас-сейчас-сейчас-сейчас, сию минуточку!

Генералы бегут на цыпочках, рысят, ковыляют. Несут виноград, яблоко: конечно, у Царя виноградина - с яблоко, а яблоко - с арбуз. Входят ТРОЕ УДИВИТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ - ХАЛДЕЕВ.

Царь лениво жуёт яблоко.

1-Й ХАЛДЕЙ (играет на музыке и поёт).

Дрита-дрита-дрита-дрита,

Как отцу архимандриту

Блошка спать не даёт:

Уж она его кусает

Целу ночь напролет.

На царя блоха насела --

Он и взад, и вперед,

Он и так, и сяк, и этак,

А блохи не найдёт...

Царь перестает жевать, сердито хмурится. Кисельвроде испуганно дергает поющего, чтоб перестал.

КИСЕЛЬВРОДЕ (подбегает, приседая). Не расстраивайтесь, ваше царское величество. Дураки ведь. Как говорится по-русски: дураки законы пишут. (Халдеям.) Ну-ка, вы, чего-нибудь этакое повеселее.

1-Й ХАЛДЕЙ. Сейчас. (На виду у публики напяливает очки, бороду). А вот я, аглицкий Химик-механик, голландский Лекарь-аптекарь. Объявляю я свои науки, чтоб старики не зевали от скуки: стариков молодыми в печи переправляю и при этом мозгов совсем не повреждаю. Со всех стран ко мне приезжайте, мои науки прославляйте! Эй, Малафевна!

ЦАРЬ. А ну-ка, ну-ка?

3-й Халдей скидывает с себя верхнее и оказывается старухой - Малафевной. 2-й Халдей на тачке подвозит ее к Лекарю.

МАЛАФЕВНА (подаёт бумагу). Вот, пожалуйста, пачпорт: мне от роду - сто годов без году. Не желаю старухой оставаться, а желаю с молодыми целоваться.

ЛЕКАРЬ-АПТЕКАРЬ. Лезь в печь, Малафевна. Ну, господи Иисусе, вперед не суйся, назад не оставайся, в середине не болтайся!

Старуха лезет в печь. Лекарь свистит в два пальца - старуха выходит из-за печи молодой, ражей девкой, целует одного Генерала, другого, хватает третьего и пускается с ним в пляс. Генералы кашляют, отбиваются.

ЦАРЬ. Ах, ах, ах! (Хлопает себя руками по бокам, смеется.) Ну чтоб вам лопнуть - веселый вы народ, действительно!

ЛЕКАРЬ-АПТЕКАРЬ. Так точно - голосом пляшем, ногами поем, с воды пьяны живем, с квасу бесимся.

ЦАРЬ. Ну что ж, Удивительные Люди, чем еще удивить можете?

ЛЕКАРЬ-АПТЕКАРЬ. А вот, дай срок - удивим.

Шепчет 2-му Халдею, тот уходит из палат наружу и там, на виду у публики, быстро переодевается Курьером. Царь жуёт. Кисельвроде стоит, ковыряет в носу.

ЦАРЬ (строго). Граф Кисельвроде, сколько раз вам говорено, чтоб официально не ковырять в носу!

КИСЕЛЬВРОДЕ. Я... я... я это так только, для моциону...

2-Й ХАЛДЕЙ. Скорород-курьер стучит снаружи.

ЦАРЬ. Кого еще нелегкая принесла? (К Кисельвроде.) Граф, сбегай, отопри.

Кисельвроде, приседая, бежит, отпирает. Входит СКОРОХОД-Курьер. Лекарь-аптекарь подмигивает ему.

Кто такой?

СКОРОХОД-КУРЬЕР. Вашего величества Скорород-курьер, здравия желаю! Из Англии только сейчас прибыл - еще горяченький.

ЦАРЬ. А! Ну, здравствуй, что ли. Поди, поди сюда поближе.

Скорород-курьер подходит.

Что же это у тебя циферблат-то разнесло эдак?

СКОРОХОД-КУРЬЕР. Это я как, значит, по морю плыл, то у меня от водного колтыхания морская свинка издалась.

ЦАРЬ. А ну, дыхни! Поближе, поближе. Дыхни-ка... Как из бочки! Хорош!

СКОРОХОД-КУРЬЕР. Так точно, ваше царство!

ЦАРЬ. Ну что же: с добром или с худом явился?

СКОРОХОД-КУРЬЕР. Уж так худо - хуже бы, да некуда. Захвастали англичане - ну прямо не продыхнешь. У вас-де, говорят, ни свету, ни совету, ни толку нету. У вас-де, говорят, лаптем щи хлебают, гвоздем хлеб ковыряют...

Кисельвроде дергает Курьера сзади. Генералы все разом начинают перхать.

ЦАРЬ. Вы, перхуны, тише! Не ровен час - рассыпетесь. (Курьеру.) Говори. Да говори всю правду, а то у меня... знаешь?

СКОРОХОД-КУРЬЕР. Хвастают: ваша-де казна против нашей - тьфу, а ваши-де пушки против наших игрушки.

Царь хмурится.

КИСЕЛЬВРОДЕ. Не расстраивайтесь, ваше царское величество: врет. Это ему со страху попритчилось - как по нашей русской пословице: пуганая ворона на молоко дует.

ЦАРЬ. Уж ты - русский! Сию минуту казну сюда: вот увидим, врет или нет.

КИСЕЛЬВРОДЕ. Неси казну!

Генералы бегут, ковыляют за казной. С ними уходят 1-й и 2-й Халдеи.

ЦАРЬ (Скороходу-курьеру). Ну, еще что? Говори все равно.

СКОРОХОД-КУРЬЕР. А еще хвастают: ваше-де сукно против нашего рядно, а вашим-де мастерам аглицкие-немецкие нос утрут.

ЦАРЬ. Что-о? Аглицкие - нашим? Да ты... да я тебя...

КИСЕЛЬВРОДЕ. Не расстраивайтесь, ваше царское величество: врет, дело ясное. Что немец! По нашей русской пословице: немцев обезьяна выдумала.

ЦАРЬ. Тебя вот действительно обезьяна выдумала! Открывай-ка сундук лучше, нечего зубы заговаривать.

Кисельвроде открывает сундук с казной. Поддерживаемый под локоток Царь слезает с трона, садится на корточки у сундука, перебирает казну. Сбоку к сундуку пристраиваются несколько Генералов.

(ГЕНЕРАЛАМ.) Ну-ка, вы отойдите в сторонку - целее будет! (Вытаскивает шкатулку.) Стой! Это что тут за особенная шкатулка за семью замками? (Вертит, пробует открыть.)

СКОРОХОД-КУРЬЕР (напевает).

Он взад и вперед,

Он и так, и сяк, и эдак...

ЦАРЬ (протягивает шкатулку Скороходу-курьеру). Отопри-ка, братец.

СКОРОХОД-КУРЬЕР. Это нам раз плюнуть! (Плюнул, открыл, подает Царю.) Пожалте, ваше царство.

Царь вытащил из шкатулки бриллиантовый орех, вертит его, с трудом раскрывает.

ГЕНЕРАЛЫ (глядят, вытянув шеи). Раскрыл! - Орех! Бриллиантовый! - Из ореха, из ореха вытряхивает! - На ладошку... - На собственноручную... - Что, что? Бло... Блоха... Гляди, ей-же-ей, блоха! - Блоха, ей-богу, блоха!

ЦАРЬ (встает. К Кисельвроде - строго). Это что ж такое? Как же это ты, братец, в казне каких-то блох содержишь? Да и блоха-то дохлая, коченелая. Ну, чего же молчишь? Говори!

КИСЕЛЬВРОДЕ. Не расстраивайтесь, ваше царское величество. Дозвольте, я ее вон выкину.

ЦАРЬ. Нет, стой, брат: выкинуть успеется. Это не так, это что-нибудь да обозначает. Тут какая-то есть секретная хитрость... (Разглядывает.) Фу-т-ты! Как есть вся личность блошиная, блоха! Ну, скажи ты, пожалуйста! Нет, тут мы не годимся, тут надо кого-нибудь эдакого... с мозговой конструкцией... А ну-ка, привести сюда голландского Аптекаря из Аничковской аптеки. Живо!

КИСЕЛЬВРОДЕ (Генералам). Привести Аптекаря! (Втаскивает под руки голландского Лекаря-аптекаря.)

ЛЕКАРЬ-АПТЕКАРЬ. Батюшка, ваше величество, не буду, прости, помилуй!

ЦАРЬ. То-то! Милую. А ты за это разгадай, что мы тут за диковину обнаружили. Никто не знает. А ты всевозможную химию произвел - должен знать, что к чему.

ЛЕКАРЬ-АПТЕКАРЬ (вынимает складной аршин, мерит блоху вдоль и поперек, разглядывает). Во-первых, это есть называемое животное - извините - блоха, по-нашему, которая сосет кровь, согласно науке, у всякого человека, даже хотя бы у скота - без разницы.

ЦАРЬ. Ну, этакую премудрость не велика химия знать. Говори дело, а то... знаешь?

ЛЕКАРЬ-АПТЕКАРЬ. Ой, знаю, знаю! (Зажмурившись, пробует блоху на язык.) Во-вторых... Гм! Согласно науке - температуре, чувствую на языке хлад, как бы от крепкого металла. (Пробует зубом.) В-третьих... (Думает.)

ЦАРЬ. Ну?

ЛЕКАРЬ-АПТЕКАРЬ. Как вам будет угодно, а только это не настоящая блоха.

ЦАРЬ. А что же это, коли не блоха?

ЛЕКАРЬ-АПТЕКАРЬ. А это есть, согласно науке, называемая нимфозория, под видом блохи. И произведена она из настоящей железной стали, а работа эта - не русская, заграничная. А как нынче у нас с границей трудновато, то я больше вам на этот счет ничего произъяснить не могу.

ЦАРЬ. Спасибо. Ступай к себе в аптеку.

Лекарь-аптекарь задом, с поклонами уходит.

Ну, граф Кисельвроде, вот что: если да ты мне сейчас не дознаешь, откуда у меня в казне эта иностранная нимфозория и на какой предмет - кормить тебе блох да тараканов в крепостном каземате.

КИСЕЛЬВРОДЕ. Сейчас, сейчас, сейчас... Знаю! Дозвольте фрелину Малафевну сюда кликнуть: ей от роду сто годов без году, может, она чего про блоху помнит.

ЦАРЬ. Ну, ладно, так и быть: зови.

КИСЕЛЬВРОДЕ. Малафевна!

ГЕНЕРАЛЫ. Малафевна, Малафевна!

МАЛАФЕВНА (вскакивает, подходит к Царю, делает книксен). Здравия желаю, ваше царское величество.

ЦАРЬ. Ну, здравствуй, что ли. Не знаешь ли чего вот про эту штуку: бриллиантовый орех нашли, а в орехе - блоха?

МАЛАФЕВНА. Глуха? И то, и то, батюшка, глуха! Еще хоть куда, а вот с приглушью стала - это истинно.

ЦАРЬ (машет рукой). Ну! Вот и сквозь печку ее пропустили, а толку чуть. (Кричит.) Блоха, говорю тебе, блоха!

МАЛАФЕВНА. Без греха? Верно: кто ж без греха. Я хоть и не первой молодости, а как время к постели - беда: одна ни за что не усну, покамест Василий Иванович под одеяло не влезет. Васька - кот мой ангорский, это я про него...

ЦАРЬ (гневаётся). Уйди! Уйди с глаз моих долой - увести, чтобы духу ее тут не было! Малафевну уводят. Царь показывает Генералам перстом на Кисельвроде.

Взять его в каземат без сроку!

Генералы подбегают к Кисельвроде.

КИСЕЛЬВРОДЕ (отбивается). Ваше... ваше царское... дозвоьте... Ой, сейчас-сейчас-сейчас...

ЦАРЬ. Ну?

КИСЕЛЬВРОДЕ. Дозвольте в казначейской книге посмотреть - может, там что записано насчет этой государственной блохи.

ЦАРЬ. Ну, ладно, погляди, так и быть.

КИСЕЛЬВРОДЕ. Неси книгу!

Два Генерала подают громадную книгу.

КИСЕЛЬВРОДЕ. Сейчас-сейчас-сейчас, сию минуточку! Аз, буки, буки... Вот: "Блохи". Нашел, оно самое.

ЦАРЬ. Ну, читай, да гляди, а то у меня... знаешь?

КИСЕЛЬВРОДЕ (читает). "От блох средство. Для сего надо, отходя ко сну, взять меду наилучшего пчелиного и сказанным медом рачительно простыню обмазать, и тогда к оной простыне все блохи неизбежно прилипнут. Ежели же, паче чаяния, к простыне прилипнет также особа мужеска или женска пола или оба одновременно, то сим смущаться отнюдь не надобно - напротив того..."

ЦАРЬ (стучит кулаком). Да ты что - со мной шулки шутить вздумал? Так я с тобой пошучу - до новых веников не забудешь! Взять его!

Генералы схватили и ведут Кисельвроде.

КИСЕЛЬВРОДЕ (отбиваясь, кричит). Ой, ваше! Ой, царское! Ой, вели! Ой, че! Ой, ство!

В дверях шествие сталкивается с ПЛАТОВЫМ - Платов, припечатывая сапогами, прет по-военному.

КАМЕРГЕРНЫЙ ГЕНЕРАЛ. Куда, куда - без доклада? Стой!

ПЛАТОВ (поднимает страшный кулак). Ммалчать! (Мимо остоленевших Генералов проходит во дворец.) Так и так: честь имею - к Царю, экстренно. Донской казак Платов.

ЦАРЬ (сердито). Какая такая еще экстра? Не видят: у Царя - делов до сих пор.

ПЛАТОВ. Как, значит, в Петербурге народное волнение, что-де обнаружена неизвестная блоха, то обязаны мы про блоху доложить согласно присяге!

ЦАРЬ (Платову). А, про блоху-у? Это дело другое. А ну, подойди сюда. Кто такой?

ПЛАТОВ. Так и так: донской казак Платов. Здра-жла-ваше-цар-ство!

ЦАРЬ. Ну, здравствуй, что ли. Чего ж тебе от меня, мужественный старик, надобно? Говори да поживее - у нас тут дела государственные.

ПЛАТОВ (гаркает). Так точно, ваше-цар-ство!

Генералы шарахаются.

Как, значит, я пью-ем, что хочу, и всем доволен, согласно присяге, то нам собственной надобности никакой нету. (Ест глазами Царя.)

ЦАРЬ. А коли без надобности - так чего ж ты?

ПЛАТОВ. Так и так: как, значит, народное волнение, согласно присяге, по причине неизвестной нимфозории в вашего царского величества казне. То я, честь имею, про это государственное дело очень все знаю! (Ест глазами.)

ЦАРЬ. О, неужли знаешь? Ну-ну-ну, докладай.

ПЛАТОВ. Честь имею: как, значит, мы с вашим папашей по разным Европам ихние диковины ездили смотреть в называемой Англии, город Лондон, жители мужского и женского полу не нашего вероисповедания...

ЦАРЬ. Что же ты, по-французски, что ли, умеешь - ездил-то?

ПЛАТОВ (гаркает). Так точно, ваше-цар-ство! По-французски мы этого не можем, как я, человек женатый, согласно присяге, и стал-быть, нам французские разговоры для единственно зазрения совести, а опричь того...

ЦАРЬ. Стой: про блоху говори!

ПЛАТОВ. Так и так: эти ихние англичане вашему папаше разные свои удивления показывали зловредно. Местность, называемая кунсткамера, где ихние витрины и разные прочие изваяния мужского и женского полу, а также эта самая ним-фозория под видом стальной блохи... честь имею!

ЦАРЬ. Ну-ну-ну-ну?

ПЛАТОВ. И, стал-быть, эта самая блоха изволила вашему папаше понравиться так, что ни взад - ни вперед, и взялись ваш папаша ужасно. Как, значит, ихние англичане, а наша мать - Расея, то обязаны мы, для престол-отечества, согласно присяге...

ЦАРЬ. Да знаю, знаю! Про блоху-то говори.

ПЛАТОВ (гаркает). Так точно, про блоху, ваше-царство! И, стал-быть, ваш папаша приказали выдать англичанам приходе-расходно миллион рублей серебряными пятачками. Впоследствии чего ихние англичане эту блоху, конечно, в дар поднесли, а при блохе ключик бесплатный.

ЦАРЬ. Ну, скаж-жи ты, пожалуйста! Вот оно что! А ключик-то зачем же? И где он?

ПЛАТОВ. Так и так: дозвольте бриллиантовый орех мне в собственные руки взять.

ЦАРЬ. Бери, сделай милость.

ПЛАТОВ (берет, показывает Царю). И здесь, стал-быть, на благоусмотрение, щелочка - не щелочка, а по-нашему комариная... (Поперхнулся.) И в щелочке ключик.

ЦАРЬ. Чтой-то не видать.

ПЛАТОВ. Так точно, ваше-цар-ство. В размерах - техническое удивление. Но ежели тем невидимым ключом у блохи в пузичке брюшную машинку завести, то, осмелюсь доложить, произойдет даже сверх естества.

ЦАРЬ. Да что ты?

ПЛАТОВ. Как перед истинным! Так что от заводу начинает блоха скакать в каком угодно пространстве и дансе делать, и даже две верояции направо и две налево.

ЦАРЬ. Ну, ей-богу?

ПЛАТОВ. Ей-богу. Дозвольте попробую.

ЦАРЬ. Не врешь?

ПЛАТОВ. Кабы врал!

ЦАРЬ. Попробуй, сделай милость.

ПЛАТОВ (пробует взять страшными своими пальцами невидимый ключик). Ф-фу ты, окаянный! Никак не ухватить.

ГЕНЕРАЛЫ. Снизу, снизу подковырни! - Сбочку! Вот-вот-вот! - Ну-ка! - Ну-ка! - Эх!

ПЛАТОВ. Тьфу! Нет, тут женская полезность надобна: у них пальцы вроде блошиных, которые даже могут нитку в иголку вздеть. А мы этого не можем.

ЦАРЬ (глядит кругом). Ну-ка... Малафевна! Эй!

ГЕНЕРАЛЫ. Малафевна! Малафевна!

МАЛАФЕВНА. Я.

ЦАРЬ. Вот что: тут ключик лежит, попробуй-ка, возьми его вот эдак - пальчиком.

МАЛАФЕВНА. С мальчиком? Что ты, что ты, что ты? Христос с тобой!

ЦАРЬ. А, глухая тетеря! Да объясните ей руками как-нибудь.

Генералы и Кисельвроде наперебой объясняют Малафевне руками, что-де блоху надо завести, и она-де пойдет танцевать.

МАЛАФЕВНА. А-а, слышу, слышу! Сейчас, сейчас.

Заводит блоху. Блоха под музыку прыгает на полу. Царь, Кисельвроде, Генералы, Малафевна - за ней на корточках, ползком, на четвереньках. Платов - как был - стоит во фрунт.

ЦАРЬ. Ах, нечистая сила! Ведь и впрямь скачет! Гляди, гляди: танцует! Ах-ах-ах! Вот это я понимаю! Это работа тонкая! Это - мастера-а! Да.

СКОРОХОД-КУРЬЕР (Царю). Что, удивили? То-то и оно-то. Я вам докладую: захвастали англичане - не продохнуть. А он (передразнивает Кисельвроде) - "Вре-ет, вре-ет"!

ЦАРЬ. Верно. (Чешет в затылке.) Как тут быть? Что делать? (К Кисельвроде.) Ты как же это допустил, чтоб англичане над русскими предвзонышались?

КИСЕЛЬВРОДЕ. Я... я не я... (На Платова.) Это - вот он.

ЦАРЬ (Платову). Ну-ка, ты? Отвечай!

ПЛАТОВ. Так и так: согласно присяге, на поле-брани-отечестве...

ЦАРЬ. Да про блоху, про блоху... Экой ты, брат!

ПЛАТОВ. Честь имею, что нам этому удивляться с одним восторгом чувств никак не следует. Как, значит, мы англичан ничем не хуже, а даже напротив и в полном виде.

ЦАРЬ. Ну-ну-ну?

ПЛАТОВ. И стало быть, надобно эту самую нимфозорию подвергнуть русскому пересмотру в городе Туле нашего отечества. Так что наши тульские мастера ихних перешибут. А касательно ежели что - так во... ччесть имею! (Кажет страшный кулак.)

Генералы шарахаются.

ЦАРЬ. Это дело! Ну, мужественный старик, спасибо тебе, утешил. Бери ты эту самую шкатулку, а в шкатулке - бриллиантовый орех, а в орехе - блоха, и кати себе на Тихий Дон. А как через Тулу будешь ехать, отдай аглицкую нимфозорию тульским мастерам на пересмотр. Ну, только помни, чтоб был обратно через сорок дней - сорок ночей. И ежели перешибут англичан твои тульские - проси чего хочешь, а не перешибут - быть тебе без головы.

ПЛАТОВ (гаркает). Так точно - без головы, ваше-цар-ство! (Невоенным голосом.) А только ежели при вашем папаше у меня голова на плечах удержалась, так авось и теперь уцелеет.

ЦАРЬ. Храбер! А это слышал: не хвались, идучи на рать?

ПЛАТОВ. Так точно, ваше-цар-ство. А едучи с этого... ратного поля-брани-отечества...

ЦАРЬ. Знаю, знаю! Будет! Когда же едешь-то?

ПЛАТОВ. Сейчас еду. Вот только сбегаю водки выпью и бубликом закушу. Так и так: приятного аппетита.

1-й ХАЛДЕЙ (публике). И вам того же, почтеннейшие господа.

Занавес

Действие второе

Картина 1-я

Тула. Игрушечные - по пояс человеку - церквушки. Слева на сцене деревянный заборчик. Входят три ХАЛДЕЯ. 1-й Халдей скидывает из-за спины и устанавливает на палке ящик-раёшник.

1-й ХАЛДЕЙ (публике). Пред-ста-вление продолжается! Почтенные господа, милости прошу к нашему грошу со своим пятаком. По копейке с рыла - пожалуйста!

БОЙКАЯ ДЕВКА (вбегает, увидела Халдеев - кличет). Эй, сюды, сюды! Девки, девки, скорей! Удивительные Люди пришли, с ящиком! Сюды, сюды!

С разных сторон - быстро - ТУЛЯКИ, стар и млад. Отдельно - Левша, идет с гармошкой, пиликает. Ему подставляют ногу - он падает. Смех. Встает, снимает картуз, сморкается в него, опять надевает на голову. Девки толкаются локтями, кажут пальцами на Левшу.

1-й ХАЛДЕЙ. По копейке с рыла - по копейке с рыла, пожалуйста!

Несколько туляков глядят в стекла раёшника.

Вот-т, извольте видеть, господа, очень прекрасный вид: донской казак Платов из самых из царских палатов на тройке летит, елки-палки из-под копыт, сзади пыль столбом, на столбу - фонарь, под фонарем объявление: "Никому от меня нет спасения".

ТУЛЯК (глядит в стекло). А-а! Скачет-то! Хлещет-то! Кулачищи-то!

1-Й ХАЛДЕЙ. А вот-т, извольте видеть, приятное свидание нашего русского посла с ихним французским - в городе Париже, а может, и где поближе.

БОЙКАЯ ДЕВКА (глядит). Ишь ты! А чего же это они оба ревмя ревут?

1-Й ХАЛДЕЙ. А это, красавица, с радости, что семь годов не видались, на восьмом повстречались... А вот, пожалте, сражение в Китае: генерал Пей-чаю перешел на сторону генерала Чей-сына, а генерал Чей-сын перешел на сторону Пей-чая, вследствие чего произошла небывалая, блестящая победа.

ТУЛЯК. Хм... Чегой-то... непонятно выходит.

1-Й ХАЛДЕЙ. Чудак! А ты думаешь - я сам понимаю? А вот андерманир штук (хватает за шиворот Левшу и ставит его по другую сторону ящика): мой закадычный друг - знаменитый оружейник Левша, первый тульский богач, в одном кармане - блоха на аркане, а в другом - мощи тараканьи - пожалте на поклонение!

БОЙКАЯ ДЕВКА. Девки, девки! Левшу нашего в ящике показывают! Уй, гляди, гляди!

ЛЕВША (вырывается). Да ну-т-те... Пусти, ну! Дай я сам погляжу. (Обходит кругом, глядит в стекло раёшника.)

1-й Халдей подмигивает 3-му, тот скидывает верхнюю одежду и оказывается девкой Машкой.

1-Й ХАЛДЕЙ. Вот ан-ндер-манир: девка Машка, купецкая дочь, ей каждую ночь невмочь - об друге сердечном Левше скучает, днем ни питья, ни пищи не принимает, чем живет - неизвестно, а вид имеет прелестный.

ЛЕВША (в волнении глядит в одно стекло, в другое). Ух! Ух! Батюшки!

Заглядывает поверх ящика. Машка стоит, закрывшись рукавом.

Машка! Ой... Да никак и впрямь ты?

Туляки кругом хохочут.

ДЕВКА МАШКА. Известно, я.

ЛЕВША (радостно). Гы-ы! Машка, а Машка!

ДЕВКА МАШКА. Что?

ЛЕВША. Машка, пойдем обожаться.

ДЕВКА МАШКА. Пойдем.

Обнявшись, уходят налево за заборчик и там обожаются. Девки подталкивают друг друга локтями, глядят в щели, хихикают.

ДЕВКИ. Гли-кось, гли-кось: в губы! - Взасос! - Всласть!

1-Й ХАЛДЕЙ. Ан-ндерманир: тульский купец, Машкин отец, ума не богато, а гребет деньги лопатой. Пр-представление продолжается! (Показывает рукой на забор.)

2-й Халдей в это время скинул с себя халдейскую одежду и, в купецком кафтане, расталкивая народ, идет к забору.

КУПЕЦ. Нагнись-посторонись, раздвинься, раздайся: ли не видишь, я своей персоной иду? Ну-кось пусти, чего тут у вас? (Глядит в щель, свирепеет.) Да это моя Машка - ах, шалава! Да это Левша - ах, кобель! (Бежит кругом, накидывается на Левшу.) Ты, рвань, голоштанник! Ты что ж мою девку скоромишь, а?

ЛЕВША (туда-сюда, тычется - убежать, бежать некуда. В отчаянии). Ой, вот те крест, женюсь я на Машке на твоей. (Крестится левой рукой.) Ну... вот сейчас женюсь. Ну - пойдем в церковь, пойдем!

КУПЕЦ. Левша косорукий! Креститься-то сперва обучись! "Женю-юсь!" Машка, подь сюда! (Наступает.)

ЛЕВША (обиделся). Оно хотя-хоть я и Левша, а ежели технически... Да-к мы это самое...

КУПЕЦ. Ух ты, рвань коричневая! Нет, ты сперва, голопузый, предоставь мне червонцев на сто рублей, да серебра на тридцать, да бумажками пуд и три четверти. Вот тогда сватайся. А то ишь ты! "Я женю-юсь"... беспортошник! Машка, подь сюда!

ДЕВКА МАШКА. Не пойду. (Прячется за Левшу.)

КУПЕЦ. Не пойдешь? (Наступает на Левшу.)

ЛЕВША (прячется за Машку). Эй, наших бьют! Эй! Силуян, сюда!

СИЛУЯН (выходит, засучивает рукава). Могу. Кого?

КУПЕЦ (сробевши). Мене.

Силуян, не торопясь, готовится бить Купца, расправляет у него бороду, плюет себе на ладонь. Вдруг - издали - песня, посвист. Силуян останавливается. Опрометью вбегают несколько ТУЛЯКОВ, кричат.

ТУЛЯКИ. Казаки-и! - Скачут!

Все - врассыпную, кто куда - к забору, под забор. С гиком и свистом влетают казаки на деревянных досках с лошадиными головами, с мочальными хвостами. ПЛАТОВ в санках, возле санок - свистовые с кнутами. Разогнались - Платов кричит: "Стой-стой-стой, дьяволы!" Из-под забора, из-за пригорков выглядывают головы - тройка остановилась - головы нырнули вниз.

ПЛАТОВ (стоит в санях, озирается грозно). А-а-а, нету? Попрятались тулячишки, в тараканьи норы забились? Эй, свистовые! Гони всех сюда!

СВИСТОВЫЕ (скачут, как зайцев - поднимают спрятавшихся туляков). Э-эй, гони! гони! - Та-та-та-та-та! - Гони! Фью! - Эй-эй-эй!

Согнанные туляки, сгрудившись, выпирают вперед Егупыча - божественного вида старик, и Силуяна - быкобогатырь. Платов взлетает на сиденье саней и, хлебнув из фляги, выпятив грудь, начинает.

ПЛАТОВ. Вот, братцы, так и так. Как, значит, пришло нам время стать собственной грудью. В рассуждении, что, значит, наша матушка Расея. На поле-брани-отечества, согласно присяге. И ежели, например, ихняя аглицкая блоха супротив нашей, то, стал-быть, обязаны мы до своей последней капли все как один. И приказано мне передать вам его милостивое царское слово... (Орет.) Чтоб у меня была сделана! (Кротко.) Как, значит, он отец, мы - дети... (Орет.) А в случае ежели у меня - так во! (Грозит кулаком.) И, стал-быть, православные, поклянемся жизнь свою положить на месте преступления - все как один. Ма-алчать! Ур-ра!

Лошади у Свистовых шарахаются. Туляки выпихивают вперед Егупыча.

ЕГУПЫЧ (скидывает гречневик, прокашливается). Да оно конечно, мы его милостивое царское слово чувствуем. Ка-ак же! А только сомнительно нам, про что это ты говорил-то. Мы народ тихий, невоенный.

ПЛАТОВ (невоенным, человеческим голосом). Да это я так - для строгого порядка. А дело, братцы, вот: должны наши тульские мастера ихним разным Европам нос утереть. Как, значит, ихняя невозможная техника, а наша - тульская, то оно и выходит... Да. Ну, которые тут у вас есть самолучшие мастера? Говори, не бойся!

ТУЛЯКИ (выкрикивают). Левша! Левша! - Силуян! - Старик Егупыч! Левша! - Силуян! - Левша! Левша! Он, он у нас самый... - Левша!

ПЛАТОВ. А где же этот самый Левша?

ТУЛЯКИ. А вот он - с Машкой! - Мухрыш-то, ну вот - в картузе. - Он у нас самый...

ПЛАТОВ (Свистовым). Доставить его!

Левша старается унырнуть. Свистовые его ловят, волокут к Платову.

(глядит на Левшу). Н-да. Не тово... не казист... (Берет, открывает шкатулку.) Ну, мастера, глядите: тут вот оно все и есть.

Подходят Егупыч и Силуян.

ЕГУПЫЧ. Ах, ты мать... пресвятая, сподручица грешных - да это блоха никак?

СИЛУЯН. Живая - аль колелая?

ПЛАТОВ. То-то и есть, что не живая, а, стал-быть, подлецы эти англичане из чистой стали ее в изображении блохи построили... И, значит, в середке у ней, у гадины, завод с пружиной, и завести - она, стерва, пойдет танцевать. И как, значит, согласно присяге, то и пообещал я Царю: так и так, наши-де тульские еще и почище диковину сделают. Ну? Можете?

Оружейники переглядываются, перешептываются.

ЛЕВША (скинув картуз, почесываясь). Оно хотя-хоть, конечно... Кромя всего прочего... Но ежели, это самое, технически, например, так оно и не... и не то чтобы как, а вроде как как...

ПЛАТОВ (орет). Что-о? Я на вас голову прозаклаживал, а вы... Да я вас - в кр-рохи пирожные! (Подымает кулачище.)

ЕГУПЫЧ. Ты, ваше превосходительство, говори словесно. Мы - народ невоенный, но против ихних мастеров, конечно, не уступим. А только аглицкая нация тоже не глупая, а довольно даже хитрая, и против нее надо взяться помоля Богу - подумавши, да. Ты нам эту блошку оставь, а сам поезжай на Тихий Дон с Богом, заживляй раны, за отечество приявшие, а когда будешь вертаться, авось мы к той поре свое дело сделаем.

ПЛАТОВ. Авось! А это слышал: авоська веревки вьет, небоська петли затягивает? Нет, вы мне толком скажите: чего вы такое сделаете?

Оружейники шепчутся.

ЕГУПЫЧ. А уж что мы сделаем, того мы в одну минуту преждевременно сказать тебе не можем.

ПЛАТОВ (орет). Как, такие-сякие, не можете? Да как же я вам это аглицкое удивление оставлю, коли я не знаю, чего такое вы с ним сделаете?

ЕГУПЫЧ. Не оставляй, батюшка, - не хочешь, не оставляй: воля твоя. Бери с господом! Нам это хоть бы хны - нам все едино. И без этой блохи проживем: своих довольно.

ПЛАТОВ (освирепел). Да я всех... д... т... Ппашли вон!

Все шарахаются, стоит один Силуян.

Стой-стой-стой! Эй, ты, богатырь, как тебя? Поди-ка сюда, садись.

Силуян лезет в сани.

Вот. Ну, так и так: водку принимаешь?

СИЛУЯН. Могу.

ПЛАТОВ (наливает из фляжки). Ну-ка?

Силуян пьет и молча подставляет чарку снова. Пьет и опять подставляет. Платов хочет налить и себе, но фляжка уже пуста.

Эх! Л-ловок! Ну, ладно, пес с тобой. Рассказывай, чего вы такое с блохой придумали?

СИЛУЯН (не спеша утирается, отдает чарку Платову). Ф-фу! Благодарим покорно. А сказать - не могу. Это - аминь.

ПЛАТОВ. Ах т-ты... Слезай - вон отсюда! Задарма все вылакал. Гл-лотка! Слезай-слезай-слезай! (Егупычу.) Ну-ка ты, старичок почтенный, иди садись.

Егупыч подходит, садится. Платов набивает огромную трубку табаком, хитро поглядывает на Егупыча.

Д-да... Так и так, придется мне, видно, к павловским замошникам ехать: не хуже вашего сделают. Хоть и неохота, а придется, - делать нечего. Да, придется, придется...

ЕГУПЫЧ. Что ж, поезжай с господом. А только павловским - чтоб им... Бог здоровья послал и в делах скорого поспешения - им против наших не выстоять, нет! У нас вот Левша есть - да-к он тебе что хошь: из башки у тебя, как из часов, все колеса-пружины вынет, маслицем смажет и назад положит.

ПЛАТОВ. У меня, брат, пружины и так вертятся, и маслица твоего не надобно. А вот надобно знать, чего вы такое придумали: у вас пружины годятся ли? Да, вот что. (Хитро глядит на Егупыча, запаливает трубку.)

Егупыч не спеша встает, вылезает.

Стой-стой, куда?

ЕГУПЫЧ. А мы, батюшка, кержацкой веры, от этого самого табашного зелья у нас головокружение в ногах происходит, да. (Идет.)

ПЛАТОВ. Тьфу! Эх! (Выглядывает Левшу.) Ну, ты чувырло чумазое, как тебя... Левша, иди-ка, садись.

Левша влезает, садится.

Жуков табак куришь?

ЛЕВША. Оно хотя-хоть и... пользуемся... технически... А только я нынче... уж восьмушку - это самое... В грудях копоть, не могу больше.

ПЛАТОВ. Ишь ты! А водку принимаешь?

ЛЕВША. Кроме всего прочего... ежели... А только я нынче, это самое... вроде как... (Договаривает руками - что, мол-де, нынче выпил довольно.)

ПЛАТОВ. О, да ты, брат, вижу хитрее всех. Ну, а девок любишь?

ЛЕВША. Вот это да... Это - технически!

ПЛАТОВ. Ну, слушай, Левша. Так и так: ты мне очень по нраву пришелся. И, стал-быть, хочешь, я тебе вон эту девку, усватаю? (Показывает на Машку.)

ЛЕВША (вскрикивает, картуз об землю). О? Неужли ж верно? Машка, а Машка!

ПЛАТОВ. Нет, брат, стой! Сперва хомут, а потом подпругу. Ты мне наперед скажи, чего вы такое с блохой придумали.

ЛЕВША (чешется). Эх! (Глядит на Машку, на Платова, косится на Егупыча.) Конечно, хотя-хоть... (Поднимает с земли, решительно нахлобучивает картуз.) Эх! То есть - ну... никак! Что-что, а это никак. То есть вот - ну!

ПЛАТОВ. Та-ак? Эй, Свистовые!

Левша кидается наутек.

Стой-стой-стой!

Платов пробует налить себе из фляжки - фляжка пуста, с сердцем об землю ее, вдребезги.

Тьфу! Ну, тульские, видно, делать нечего: будь по-вашему. Натё, берите, стервецы, у-у-у! (Тычет Левше шкатулку с блохой. Кротко.) Братцы, голубчики, уж вы как-нибудь, так и так... (Орет.) У меня

чтоб в аккурате! Чтоб для нашей русской полезности - ни одна чтоб минута! (Кротко.) Как, стал-
быть, она мать - Расея... Костями - на престоле-брани-отечестве... И мы, которые убиенные... (Орет.)
Ммал-чать! Через сорок дней - сорок ночей я вашу работу Царю предоставить обязан. Чтоб у меня -
в срок была-а! А то... (Подымает кулак.) Поняли?

ЕГУПЫЧ. Благодарим покорно - поняли.

ПЛАТОВ. Тррогай!

ТРОЙКА. Куда прикажете?

ПЛАТОВ. На Тихий Дон!

С песней, гиком, свистом казаки уезжают. Левша, разинув рот, стоит с шкатулкой в руках. Бойкая
девка выбежала, смотрит вслед, приложив козырьком руку.

ТУЛЯКИ. Кулак-то, видел? - Страхота господня!

Расходятся.

ЕГУПЫЧ. Ну, братцы, надо за дело: вода бежит, время идет. Ты, Левша, мозгуй поживей, как нам
и что...

ЛЕВША. Технически - это самое - ежели...

ЕГУПЫЧ. Во-во-во! А я пойду свечку поставлю Николе Кузнецкому да Зосиме-Савватию,
братьям-разбойничкам.

Занавес

1-Й ХАЛДЕЙ (выходит на авансцену перед занавесом). Представление продолжается! А именно:
происходит расцвет промышленности в городе Туле нашего отечества. Слышите: молоточками
тюкают? (Уходит.)

Музыка, тюкают молоточки оружейников.

Картина 2-я

Та же Тула, что и раньше, но посередине стоит теперь изба оружейников. Туляки, Раёшник, Девка
Машка - подслушивают, подглядывают: что такое в избе.

1-Й ТУЛЯК. Стучат.

2-Й ТУЛЯК. Постукивают.

3-Й ТУЛЯК. Не питье, не етые сидят.

1-Й ТУЛЯК. Никого не допускают.

2-Й ТУЛЯК. Что делают - неизвестно.

3-Й ТУЛЯК. Ну-ко, дайте-ка я попробую...

3-й Туляк идет к избе, стучит в окошко. Окошко чуть приоткрывается. Голос Егупыча: "Кто там?"
(чужим голосом.) Человек божий, странник прохожий. Прикурить огонька дайте.

ЕГУПЫЧ (высовывается - и тоном сперва божественным, потом свирепым). Пойди ты... к господу
с чертовым твоим куравом на рога! Некогда нам: время идет. (Захлопывает окно.)

Почесываясь, 3-й Туляк уходит.

2-Й ТУЛЯК (идет к избе с медным тазом, колотит в таз и кричит). Ой, братцы, горим! Ой, горим,
пожар! Вали, лей, ломай!

ЕГУПЫЧ (высовывается). Где пожар?

2-Й ТУЛЯК (показывает вбок). Тама. И-их, чешет!

ЕГУПЫЧ. Ну - с Богом, горите, а нам недосуг. Срок вышел, то и гляди - Платов назад будет.
(Захлопывает окно.)

2-й Туляк уходит.

ДЕВКА МАШКА (идет к избе, кличет в оконце). Левша, а Левша! (Сахарным голосом.) Левша,
красавчик ты мой! (Еще сахарней.) Левша, пойдем обожаться!

Окно раскрывается с треском, Левша высунулся по пояс, но изнутри две руки тотчас сгребли его за
шиворот, две руки за вихры - втащили назад, захлопнули ставень. А с разных сторон уже бегут -
кричат туляки.

ТУЛЯКИ. Казаки! - Скачут! - Девки, беги куда глаза глядят!

Прежним порядком, только еще отчаянней, въезжают КАЗАКИ и ПЛАТОВ.

ПЛАТОВ. Стой-стой-стой! Назад, дьяволы. Стой! Где оружейники? Ммалч-ать!

Туляки молчат.

Да вы что же: язык-то вам корова, что ли, сжевала?

1-Й ТУЛЯК. Да ты, ваше превосходительство, сам говоришь - молчать.

ПЛАТОВ. М-малч... Тьфу! Сейчас говори, где оружейники?

1-Й ТУЛЯК. Да вон там: слышь? - молоточками тюкают.

ПЛАТОВ. Как, такие-сякие, тюкают? Не готово еще? Дай - я их... д... т... (Подымает кулачище. Свистовым.) Чтоб живых ли, мертвых ко мне их - в момент доставить! У-у-у! (Свирепеет.) 3-зубом загрызу!

Свистовые скачут к избе, стучат в окно, в дверь - им не отвечают. Возвращаются к Платову, стоят, вытянувшись перед ним во фронт.

(свистовым.) Круши!

Свистовые берут бревно, запевают "Дубинушку".

Эх, город Тула у нас слабый.

Придешь девкой - уйдешь бабой.

Эй, дубинушка, ухнем!

Эх, зеленая, сама пойдет!

Раз! Ух! Раз! Эх!

ТУЛЯКИ. Гляди, гляди! - Что делают! - С мясом рвут...

Свистовые поддели и сваливают крышу в сторону. Остается висеть одна лампадка - висит неизвестно на чем - и видны по пояс оружейники. Свистовых отшибает в сторону - стоят, зажав носы.

1-Й СВИСТОВОЙ. Да вы как же, подлецы, этакой спиралью ошибаться смее? На вас - что: креста нету?

ЕГУПЫЧ. Спираль - оно, действительно, скопимши - от нашей безотдышной работы. А вот вы кто такие, что нам в казенном деле препятствие производите?

1-Й СВИСТОВОЙ. Да вы ослепли никак? Ли не видите: донской казак Платов - вот он, вас к себе требует, чтоб сию секунду!

ЕГУПЫЧ. Передай ему от нас почтеньице и скажи: сейчас-де несут.

Свистовые бегут, оглядываясь. Оружейники за ними, на ходу застегивая одежду. Левша со шкатулкой.

СВИСТОВЫЕ (Платову). Идут! Несут!

ПЛАТОВ. М-малчать!

Туляки шарахаются, потом, любопытствуя, понемногу подходят ближе. Платов - оружейникам, грозно:

Н-нну-у?

ЕГУПЫЧ. Господи-Сусе-Христе сыне божий, помилуй нас...

ПЛАТОВ (свирепо). Ам-минь... ч-черт! Готово?

ЛЕВША. Га-га-га-гово.

ПЛАТОВ. Подавай сюда.

Левша подает. Платов открывает шкатулку, вынимает из нее табакерку, из табакерки - орех с блохой. Глядит.

ТУЛЯКИ (вытягивая шеи). Гли-кось, гли-кось! Бриллиант-то! - Чисто медный, глазам инда больно! - Ну и кулачище, страхота господня!

ПЛАТОВ (встает, грозно - оружейникам). Вы это что же это, а? Шутки шутить? А ваша работа где ж, а?

ЛЕВША. Ту-ту-тута... (Тычет пальцем в блоху.)

ПЛАТОВ. Где тута? Ну-у? (Сует блоху Левше под нос.) Нюхалом ткнишь! Это, по-твоему, что?

ЛЕВША. Бло-блоха... Ета самая аглицкая блоха, конечно.

ПЛАТОВ (кричит). Ета самая! Зарезали! Голову сняли! Как была блоха, так и есть. Ничего не сделали! М-мастера! Кошелки вам плесть! Еще, поди, аглицкую работу испортили? Уб-бью!

ЛЕВША (обиделся, свихнул картуз на ухо). Ежели - кромя всего прочего - это, то есть, кто же испортил?

ПЛАТОВ. М-малч... Кто? Ты, Левша, косорукий, вот кто! Ма-астер!

ЛЕВША. Это я-то? Цык! (Цыркает сквозь зубы в знак высшего презрения.) Я свою работу сделал... технически... Да...

ПЛАТОВ. Сделал? Ну так и говори, что сделал? У-у-у!

ЛЕВША. А что сделал, то... вот это самое и сделал. Царю... это самое... предъявите... - тогда оно и выйдет - технически. А преждевременно - вроде как не желаю, да.

ПЛАТОВ. Ма-алчать! В бутылку загоню. 3-запечатаю! "Царю предъявите!" Это, стал-быть, чтобы я перед Царем острамился, как вы передо мной? Нет, голубчики, шалишь! Так и так вашу... Я вам

проверку устрою! Я вас на чистую воду выведу! Сейчас к аглицким мастерам одним духом скачу: они мне все ваши дуравьи хитрости разберут. И ежели только да вы мне ничего не сделали - я вас... (По очереди подносит кулачище под нос каждому из оружейников.)

Левша пятится, Егупыч крестится, Силуян стоит монументом.

Ммалчать! Трогай!

ТРОЙКА. Куда прикажете?

ПЛАТОВ. В Лондон ихний. Гони во весь дух!

Свист, гик, топот.

(вдруг вскакивает.) Стой, стой, стой! (Оборачивается, Левшу - за шиворот и к себе в санки - в ноги.) Сиди, с-сукин сын, тут заместо пубеля! И до самого до Лондона чтобы у меня не пикнул! Ты мне за всех ответишь. Ну, гайда!

Отъезжают.

ДЕВКА МАШКА (кидается вслед с причитаньем). Красавчик ты мо-о-ой! Да куда ж он тебя-а-а? Ой, погубят тебя нехристи...

ЛЕВША (высовывает вихрастую голову из саней). Прощай, Машка! Сорокоуст-то, сорокоуст, не забуду...

Платов за вихры сует его назад.

ЕГУПЫЧ (спокойно). Царствие ему небесное, вечный покой!

Издали слышно - казаки затянули: "И-эх, в Таганроге..."

Занавес

Действие третье

1-Й ХАЛДЕЙ (выходит на авансцену перед занавесом). Представление продолжается! А именно: вид с высоты на знаменитый город Лондон ихнего отечества. Эй, занавес!

После поднятия занавеса открывается Англия - тоже, как и Петербург, тульская - очень удивительная. Въезжают платовские сани, тройка.

ПЛАТОВ (для англичан он прибрался - в белых перчатках, с цветком в петлице. Вылезает из саней, вытаскивает оттуда Левшу). Вылезай, ты! Ну-ка, Свистовой, достань мне сейчас ихних Удивительных Людей, химиков-механиков-мастеров, да чтоб были аглицкие первого сорта. Ну, живо!

1-Й СВИСТОВОЙ. Рад стараться! Как скоро, так сейчас!

ПЛАТОВ (отхлебывая из фляги). Ф-фу, отлегло!

ХИМИК-МЕХАНИК (входит с Мастером). А вот и мы, самые ихние Удивительные Люди, химики-механики-Мастера на все руки, первое средство от скуки.

ПЛАТОВ (элегантно). Ах... бонжур, бонжур!

ХИМИК-МЕХАНИК (вытащив огромные часы, Мастеру - важно). У вас - сколько?

МАСТЕР (вытащив часы). Без четверти.

ХИМИК-МЕХАНИК. И у меня без четверти. Благодарим вас.

ПЛАТОВ. А что, будто личности ваши я видел гдей-то, а? Да вы ихние ли настоящие?

МАСТЕР. Мы-то? Да вот те не крест не святой. Вот те не перед истинным! Да чтоб мне не издохнуть! Да чтоб мне...

ПЛАТОВ. Стой! А ну перекрестись.

Химик-механик и Мастер крестятся: на затылок, на спину, и сзади же - на правое и левое плечо.

Ну, ладно, вижу: креститесь не по-нашему. (Свистовому - нежно.) Свистовой, голубчик, шкатулочку мне из саней - прошу вас...

Свистовой от нежного обращения обалдел, стоит, хлопает глазами.

(орет.) Да ты что: оглох, сукин сын? (Спохватившись - англичанам.) Ах, пардон, пардон... (Взяв от Свистового шкатулку.) Ну, неправославные, так и так: глядите - ваша работа?

ХИМИК-МЕХАНИК (пробует на зуб). Да-а! Наша аглицкая, первый сорт.

МАСТЕР. Сами из стали ковали - под видом блохи. Ка-ак же!

ПЛАТОВ. Что ж: как была ваша блоха, так и есть?

МАСТЕР (глядит). Как была - так и есть. В том же пространстве.

ХИМИК-МЕХАНИК (глядит). Ни подмены, ни перемены, ни рог, ни хвоста: как была, так и осталась.

ПЛАТОВ. Быть того не может, не верю! Так и так: была ваша удивительная диковина у наших тульских мастеров, и, стал-быть, произвели они над ней какой-то секрет - еще вашего удивительней,

а какой секрет, про то не говорят. Так чтоб выведали вы мне секрет вон у этого проклятого Левши. М-малчать! Не выведаете - в Сибирь сгоню! (Спохватившись.) Ах, пардон, пардон, пардон...

ХИМИК-МЕХАНИК. Ничего. Не извольте беспокоиться, выводим.

ПЛАТОВ. Убедительно благодарю вас... (Левше.) Ну ты, такой-сякой, лопать хочешь?

ЛЕВША. Оно... это самое... ежели и птицы такой нету, чтоб не ела, а пела... Что же я, вроде как хуже птицы, что ли?

ПЛАТОВ (Свистовому - на Левшу). Доставить его в пищеприемную ихнюю комнату!

СВИСТОВОЙ. Рад стараться! Сию минуточку.

Открывает дверцу в какой-то железной трубе, оттуда грохот, пламя - вталкивает туда Левшу.

ЛЕВША (мечется, орет). Ой, царица небесная! Ой, чтоб тебя розорвало! Ой, пустите! Ой, Машка, сорокоуст не заб...

ПЛАТОВ (Химику-механику и Мастеру). Ну, пока что, стал-быть, счастливо вам оставаться. Мне в Петербург к Царю поспешать надобно. (Садится в сани.) Трогай! (Машет англичанам ручкой.)

ХИМИК-МЕХАНИК. Скатертью дорожка, буераком путь! (Вынув часы - Мастеру.) У вас сколько?

МАСТЕР. Без четверти.

ХИМИК-МЕХАНИК. И у меня без четверти. Идем к Левше.

Совершают путешествие тем же порядком, что и Левша. Тем временем Левша - с грохотом, с пламенем - вываливается из трубы в "пищеприемную комнату". К нему, как и полагается в Англии, сам ползет накрытый стол и скамья. Левша нахлобучил картуз, пятится, потом осторожно трогает стол - ничего; садится на скамью - ничего. Вдруг сбоку, из деревянной толпыжки в стене, вылезает не спеша огромная кнопка, лезет прямо на Левшу.

ЛЕВША. Уйди... уйди... уйди, нечистая сила! (Упирается в кнопку рукой, кнопка ныряет в гнездо, подымается трезвон. Левша вскакивает - бежать.)

Входит аглицкий ПОЛОВОЙ - вроде московских тестовских, в белом, а рожа черная.

(таращит на него глаза.) Эка, мордальон-то у тебя, а? Ну вот что, конечно... это самое... Самоварчик мне и ситного, подрукавного, фунт - да с изюмом чтоб, слышь?

Половой скалит зубы, мотает головой.

(Громче.) Чаю, говорю, ну? Немырь ты этакий! Чаю пить с дороги желаю - понял?

ПОЛОВОЙ. Донтандерстэнд.

ЛЕВША. Дон-дон-дон! Долдон, больше ничего. Нет чтоб по-нашему, это самое, по-русски: и просто и всякому вроде понятно, а то: "дон-дон-дон"... Ну - есть, снедать, трескать, лопать, жрать - понял? Кала-мала-бала-гам-гам! (Щелкает зубами, показывает пальцем себе в рот.) Понял?

ПОЛОВОЙ. Ее, ее.

ЛЕВША. Бес - истинно! Чистый бес. Сообразил вроде как, слава тебе, господи! Ну и чудак!

ПОЛОВОЙ. Сами вы чудачки. Раз мы англичане - так нам с вами по-русски никак нельзя. Неуж не понимаете? (Уходит.)

Левша, пока нет Полового, любопытствует, заглядывает под скатерть, колупает тут-там скамью. Нажал какую-то пружинку - и вдруг стол начинает уезжать, снова из стены лезет на Левшу кнопка. Левша струсил, одной рукой старается удержать стол, другой отпихивает кнопку. Опять трезвон, стол останавливается, входит ПОЛОВОЙ с блюдами.

Ситдаун! (Подает хлеб - вроде громадного кулича.)

ЛЕВША. Сит-на-ай? Оно хотя-хоть, но ежели у вас это ситный, какие же у вас куличи?

Половой ставит на стол блюдо с пудингом и зажигает ром.

Ах ты черномазый, ты это что ж такое?

ПОЛОВОЙ. Пудинг.

ЛЕВША. Студень? Хорош студень - полыхает! Нет, это, брат, может быть, у вас черти в пекле этакий студень жрут... технически... А я - не знаю, чтоб это нам можно есть. Это самое... кромья... дак и внутри еще загорится. Неси, неси от греха подальше! (Сует блюдо обратно.) Ну, неси! Иси, тубо! Половой уносит.

Левша колупает пальцем одно, обнюхивает другое - отхватил ломоть ситного и, осенив себя крестным знаменем, начинает его уплетать - на ходу: надо скорей поглядеть, как тут и что у англичан. Повернул какую-то вертушку - потемнело, опять повернул - светло, повернул еще раз - весь свет потух, а в темноте - искры, грохот.

(в ужасе.) Эй, Силуян, - наших бью-ут!

Из трубы вываливаются англичане.

ХИМИК-МЕХАНИК. Это кто ж это здесь разделявает? Погасите этот адский пламень!

Все кончается, зажегся свет.

(Левше, похлопывая его по плечу.) Ничего, ничего! Не бойсь! Мы (на себя) - аглицкий, ты (на Левшу) - русский мастер, мы - камрады, понимаешь?

ЛЕВША. Оно хотя-хоть и конечно... Кому рады, а кому и не рады.

ХИМИК-МЕХАНИК (ставит в уголку шкатулку, прикрывает ее шляпой. Мастера - за рукав в сторонку). Первым делом - мы ему жидкого хлеба (щелкает себя по шее) - глядишь, язык и распояшет. (Левше.) Ну, камрад, выпить вам - погуще воды этого самого - желательно? (Щелкает себя по шее.) Понимаешь?

ЛЕВША (нахлобучивает картуз, ожимается). Понимать-то мы это самое, хотя-хоть и понимаем...

ХИМИК-МЕХАНИК. Садись, садись, камрад, чего там! Для встречного разговору без хлебной слезы нельзя!

Лезет из стены кнопка. Химик-механик нажимает ее. Трезвон, вбегает ПОЛОВОЙ.

Ну-ка, Половой, спроворь-ка нам графинчик да закусочки на троих.

ПОЛОВОЙ. Слуш-с-с! (Убегает.)

ХИМИК-МЕХАНИК (Мастеру - важно). У вас сколько?

МАСТЕР. Без четверти.

ХИМИК-МЕХАНИК. И у меня без четверти. Благодарим вас.

ЛЕВША (тем временем осматривает Мастера, щупает платье). Ишь ты, жилетка-то тужурная! Тц... технически! Аглицкое небось сукнецо-то?

МАСТЕР. А то ништо? Известно, аглицкое, морозовское.

ХИМИК-МЕХАНИК (наливает). Ну, камрад, об деле - со временем-после, а до дела - нальем белой.

ЛЕВША (с сомнением глядит на водку, чешет в затылке). Оно конечно, ежели... вроде... для пользы-простуды... А только кто вас знает! Вы ведь... ох!

ХИМИК-МЕХАНИК. Мы-то ох, да и ты не плох. У-у-у! (Грозит пальцем Левше.) Ну, приехавши вам! (Пьет, за ним Левша.) А что, к примеру, у вас гуси - плавают?

ЛЕВША. Плавают.

ХИМИК-МЕХАНИК. А по льду ходят?

ЛЕВША. Ходят.

ХИМИК-МЕХАНИК. Ну и мы пройдемся. (Пьют.)

ЛЕВША. Хух! Крепка!

ХИМИК-МЕХАНИК. А ну, камрад, что крепче... (Выдержав паузу - сразу.) Наша водка - или ваш тульский секрет?

ЛЕВША. Ка... ка... Какой секрет? (Нагибается к Мастеру, берет его за ногу, как кузнец - лошадь.) А-ах ты... щиглеты-то какие! Это самое - подкованность-то ихняя вроде к чему же?

МАСТЕР. А это для топоту, когда казачка ли нашего аглицкого камаринского плясать. Мы это очень уважаем.

ЛЕВША (подмигивает). Вот, братцы мои, ежели, - так в подковке-то... вроде как... и секрет весь. Да.

МАСТЕР (подталкивает Химика-механика). Ключнул! Подсекай, тащи.

ХИМИК-МЕХАНИК (отпихнув Мастера). Как так в подковке? Ты нам это на своем русском языке произъясни, сделай милость.

ЛЕВША (сбил картуз на ухо, от вина осмелел). Долдоны вы! Я вам на своем русском языке все и произъясняю - технически: в подковке, говорю, секрет. Впоследствии времени все, братцы мои, узнаете! (Подмигивает хитро.)

МАСТЕР (разочарованно). А-а-а! Впоследствии времени! (Химику-механику.) Накачивай еще.

ХИМИК-МЕХАНИК (Мастеру). Без тебя знаю! (Левше.) Ну, камрад, нашей русской горькой для прокладочки? А? (Наливает.)

Левша смотрит с сомнением.

Что, думаешь, купоросом заправлена? Не бойсь! Настоящая подвздошная - четырнадцатого классу.

ЛЕВША (нюхает). Оно хотя-хоть и кто вас знает... (Махнул рукой, картуз на ухо.) Эх! Здравствуй, стаканчик, - прощай, вино! (Крестится левой рукой, пьет. Потом, мотнув головой, затягивает.) Эх, Тула-Тула-Тула-я...

МАСТЕР (Химику-механику). Нести шкатулку, что ли?

ХИМИК-МЕХАНИК (Мастеру). Да не суйся ты, оглашенный! (Левше.) Ты что же это - левой-то крестишься: лютеранец ихний, что ли?

ЛЕВША. Нет, веры мы русской, технически. А это... потому, как вроде... например, левша мы.

МАСТЕР. Левша? Это что же такое обозначает?

ЛЕВША (от вина смелеет все пуще). А это самое... стал-быть, чего вы правой рукой - так я это левой - за очень просто. Да-а. У нас вот как!

МАСТЕР. Удивительно! (Химику-механику.) Ну, если бы он и правой взялся, да образование ему мало-мале - так наше дело табак! (Левше.) Арифметику-то науку проходил?

ЛЕВША. Куды-ы там! Мы, братцы, ежели что - так вот эдак вот - по пальцам... вникаем... Да.

МАСТЕР (наливает, Левша пьет). А лучше бы вы из арифметики четыре правила сложения знали - куда полезительней!

ХИМИК-МЕХАНИК. Да. А то у вас в руке - сметка, а в голове - ошмётка. Вот вы того и не сообразили, что такая малая машинка, как в блохе, - она на самую аккуратную точность рассчитана. Без арифметики-то ее тят-ляп - и испортили.

ЛЕВША. Кто - мы испортили? Это мы-то?

ХИМИК-МЕХАНИК (подталкивает Мастера). Да, вы самые.

ЛЕВША. Мы испортили? Ах вы, нехристи гололобые! Давай ее сюда! Я вам покажу... как испортили! Испортили, а? Мы-то?

ХИМИК-МЕХАНИК (Мастеру). Готов! Волоки шкатулку!

ЛЕВША (ерепенится). Я вам... это... такое покажу - рты разинете! Я вам...

Мастер уже взял шкатулку.

(спохватился, нахлобучил картуз, вскакивает.) Стой-стой! (Хватается за живот.) Ой, не надо! Не могу! Ой, не могу! Ой, ой, скорее!

МАСТЕР (остановился). Чего ты?

ЛЕВША. Ой, живот схватило - вот как, технически! Веди меня до ветру. Ой, скорей, ой, скорей!

МАСТЕР (ведет его в павильон, возвращается к Химику-механику). Да это черт-те что! Я думал, он так - с максимцем, а он хитрый, как муха... Ну, чего делать, чего мы теперь с ним делать-то будем... Владычица!

ХИМИК-МЕХАНИК. Довольно вам стыдно, господин! Уж сдрейфил! А туда же в англичане суетесь!

МАСТЕР. Да ты гляди: ведь его, черта косорукого, и вино не берет!

ХИМИК-МЕХАНИК. Будьте покойны! Как он оттуда выйдет, мы его сейчас же настоящими нашими аглицкими диковинами раззадорим - и этот самый секрет из него, как из квасу пробку, вышибет. Понял - дурья твоя голова?

ЛЕВША (возвращается, оправляя одежду, напевает). Тула-Тула-Тула-я, Тула, родина моя! (Подходит.) Это самое... нужные места - это у вас действительно технически! Только уж дюже чистота одолевает: неспособно. У нас лучше.

МАСТЕР. Нужные места - это что-о! Дай срок, мы тебя еще не так удивим. Ну-кошь, иди сюда!

ЛЕВША. Ну, показывайте... это самое - чего тут у вас - ежели... (Подходит, делает вид, что ему на все с высокого дерева наплевать. Напевает.) Тула-Тула-Тула-я... (Видит в числе прочих диковин - церковь и, оборвав "Тулу", начинает креститься.) Хм. Это у вас, у гололобых, вроде церковь-то тут к чему же?

ХИМИК-МЕХАНИК (пододвигая церковь). А это, извольте видеть, чистый римский Пётра-Павла собор, несчетно злата-серебра и прочего добра, на фундаменте из настоящего мрамора.

ЛЕВША (цыркает через зубы). На мра-аморе! Загнул! У нас, брат, в Москве - ежели, так... Никола на Капельках есть, Никола на Палашах, Никола на Курьих ножках, Никола на Кочерыжках. Вот это вот так. А то: на мра-аморе!

МАСТЕР. На кочерыжках? Удивительно! И ничего, стоит?

ЛЕВША. А то как же? У нас, брат, строго: прикажут - и на кочерыжках будет стоять. Технически! (Напевает.) Тула-Тула-Тула-я... А это самое - что за трубка и к чему такое?

ХИМИК-МЕХАНИК (выкатывает огромный барометр). У-у, это штука! Буреметр называется: от морского водопления - первое спасение. Погоду за сутки назад, непогоду за сутки вперед угадывает.

ЛЕВША. Ну, это против нашего... например... никуда не годится. Да-а! У меня в Туле вроде бабка есть, так у ней перед непогодой поясницу... технически - за неделю ломить начинается. А вы - эка: за сутки!

МАСТЕР. Ну-у? За неделю? Удивительно!

ЛЕВША (напевает). Тула-Тула-Тула первернула, кверху козырем пошла... (Ходит, глядит, остановился.) Хм! А это для каких таких жителей... домина вроде?

ХИМИК-МЕХАНИК. А это, извольте видеть, называемая керамида, а в ней сохранно заключен удивительный египетский фараон, не принимает ни питья, ни пищи, лежит годов три тыщи, а может, и больше.

ЛЕВША (цыркает сквозь зубы). Чудаки вы... кроме всего!

МАСТЕР. А что?

ЛЕВША. А то. У нас этих самых фараонов - хоть пруд пруди: в Москве на каждом углу стоят вроде для бесплатного удивления. А вы это самое... их за деньги показываете. Ну, и чу-да-ки. Нет, вы мне такое предъявите: чего бы у нас нету.

ХИМИК-МЕХАНИК. Сейчас... А ну-ка... родители, например, у тебя есть, камрад?

ЛЕВША. Во, брат, идиолух, а? Это, может, у вас, у нехристей, дети вроде... из этой бутылки вылазют, а у нас это самое... по-православному, технически...

ХИМИК-МЕХАНИК. Да ты дело отвечай! Родители, говорю, есть, живы?

ЛЕВША. Ну, живы, ежели... Ну?

ХИМИК-МЕХАНИК. А желательно вам сейчас с родителями, например, словесный разговор иметь?

ЛЕВША (обиделся). Чего-о? Ты, брат, мне, это, в мозги-то не капай. Я хоть какой-никакой, а в своем уме. Нешто отсюда в Тулу слышать?

ХИМИК-МЕХАНИК. А на это, брат, у нас есть такое удивление, что ты родясь на видал - умрешь не увидишь. Вот: радитеелефон называется.

ЛЕВША. Ежели родителей он - так с родителем только и можно по ему разговаривать. А мне, ежели, например, не с родителями желательно, а совсем обратно? Вроде, скажем... с какой-нибудь с гражданочкой.

ХИМИК-МЕХАНИК. Это все единственно. Вот, пожалуйста: нажмешь, повернешь, голосом поведешь - говори с кем хочешь, хоть с родителями, хоть обратно.

ЛЕВША. Ну-ка? (Нажал пуговку - трезвон, искры. Моргает, съежился. Робким голосом.) Машка, а Машка! (Громче.) Машка-а!

ГОЛОС ДЕВКИ МАШКИ. Левша, никак ты? Красавчик ты мой!

ЛЕВША (картуз об земь, разинул рот). Тьфу, провались ты совсем! А ведь и верно! Машка моя, технически! Ей-богу!

ГОЛОС ДЕВКИ МАШКИ. Левша, а Левша!

ЛЕВША. Сейчас. (Чешет затылок, думает. Придумал. Англичанам.) А желательно ежели - я вам сейчас эту диковинку покажу... кроме прочего... почище разговорной этой трубки?

ХИМИК-МЕХАНИК. Захвастался - кабы не захрястался! Гляди, брат!

ЛЕВША. Вот те и гляди! Я и без трубки вашей слышу. Да. И еще Машка моя... вроде как сказать - не сказала, а уж я слышу, чего она скажет.

ХИМИК-МЕХАНИК. Ну-ка, что ж она тебе скажет?

ЛЕВША. А вот чего... (Шепчет на ухо Химику-механику.)

МАСТЕР. Что? Что? (Химик-механик шепчет на ухо Мастеру.)

ГОЛОС ДЕВКИ МАШКИ. Левша, а Левша!

ЛЕВША. Что, Машенька, коровушка ты моя-а?

ГОЛОС ДЕВКИ МАШКИ. Левша, пойдем обожаться!

МАСТЕР. Чтоб тебе лопнуть: верно!

ХИМИК-МЕХАНИК. Тюпелка в тюпелку!

ЛЕВША. То-то! Уж это вроде... будьте спокойны: уж так ли, эдак - а уж мы вас... это самое... технически! (Лихо заводит на гармошке).

МАСТЕР. Да это черт-те что! Ну, буде баловаться с диковинами-то! Я ему сейчас вещь покажу, которая настоящая... На, гляди! (Сует Левше ружье.)

ГОЛОС ДЕВКИ МАШКИ (удаляясь). Левша, а Левша!

ЛЕВША (опустив гармошку, прислушивается). Братцы, сделайте милость - отпустите вы меня... домой вроде... а?

МАСТЕР. Гляди, говорю... черт косорукий!

ЛЕВША (нехотя берет ружье. Поглядел - и вдруг загорелся). Тц-тц-тц... Вот это - да! Это - технически! (Ощупывает, поглаживает.) Чтоб тебе! Шлиховка-то, а? Прямо это... чисто вроде девку по спине гладишь! А замочек, замочек-то! (С ружьем в руках кидается к англичанам, обнимает их.) Сволочи! Милые!

МАСТЕР. Ты что - рехнулся?

ЛЕВША. Эх! Уж очень добре дюже работа хороша!

МАСТЕР. Ага-а! Пробрало!

ЛЕВША (щупает в дуле). А внутре-то, внутре-то... Ай-ай-ай-ай! (Заглядывает внутрь, качает головой, вздыхает.) Эх! Кирпичом чистите-то али как?

ХИМИК-МЕХАНИК. Сморозил: кирпичом! Это, может, у вас кирпичом, а у нас - порошком самым мелким, вроде клоповного персидского.

ЛЕВША. Не дай Бог - война... Куда мы... ежели с берданками нашими? Эх! (Осматривает еще раз ружье, вздыхает. Вдруг поставил ружье.) Братцы, отпустите вы меня домой за-ради Христа!

ХИМИК-МЕХАНИК. То есть это как же?

ЛЕВША. А так. Хотя-хоть и это... благодарю вас покорно на всем угощении, и вроде всем я у вас очень доволен, а только... Не могу я у вас больше! Вот тут вот это самое... (Вертит рукой против сердца.)

ХИМИК-МЕХАНИК. Ну вот, заскучал! Да мы тебе сейчас такое покажем... вот: гляди...

ЛЕВША. Не могу я! Лучше покажите вы мне: в какой она стороне - Расея наша?

ХИМИК-МЕХАНИК. Расея, Расея! Ты лучше оставайся у нас, живут у нас мастера хорошо, семейно, на каждого члена по четыре кубических аршина воздуха...

ЛЕВША. Да не надо мне вашего кубического воздуха: мне без русского воздуха никак невозможно! Опять же я в холостом звании. И мне тут в одиночестве... вроде очень скучно будет. А там у меня есть...

ХИМИК-МЕХАНИК. Чудак! Чего ж ты молчал-то? Это дело такое: раз моргнуть, два шепнуть. (Мастеру.) Волоки сюда скорей свою аглицкую девку Мерю.

МАСТЕР. Есть! (Выводит Мерю).

МЕРЯ (входя). А вот и я!

ХИМИК-МЕХАНИК (Левше). Ну, что? Какова мамашка?

ЛЕВША. Это чего уж! Девка - я-те-дам! Вроде! Да-а!

ХИМИК-МЕХАНИК. Ну, вот и ладно: ты нам только словечко закинь, какой вы секрет нам блохой произвели, а мы тебе сейчас с нашей аглицкой девкой все устроим. (Мастеру.) Ну-ка!

МАСТЕР. Меря, подь сюда! (Делает ей знак пальцем.)

МЕРЯ (подходя). Здравствуйте, прекрасный молодой человек Левша. Очень приятно.

ЛЕВША (снял и мнет картуз, глядит исподлобья). Ой, беда, на Машку мою похожа!

МЕРЯ (в радиотелефон). Эй, Половой! Кипяточку нам на четверых да ватрушечек каких там, что ли.

ГОЛОС ПОЛОВОГО: "Слушс-с!"

Въезжают стол, скамьи. Вбегает Половой с подносом, ставит на стол. Меря кобянится перед Левшой. (Садясь за стол).

Милости прошу к нашему шалашу!

Все садятся, Левша с Мери глаз не сводит.

ХИМИК-МЕХАНИК. Ты погляди: одеваются у нас чисто, не халды какие-нибудь, хозяйственные. Ну-ка, Меря, покажи, как ты... Плесни-ка ему чайку.

Меря наливает Левше и себе.

Оба пьют с блюдечка. Меря придвигается к Левше все ближе.

(Химик-механик в стороне, косится на них.) Кх... Гм! (Вынув часы - Мастеру важно.) У вас сколько?

МАСТЕР. Без четверти.

ХИМИК-МЕХАНИК. И у меня без четверти. Благодарим вас!

Меря придвигается к Левше. Левша не знает куда деваться, пот с него градом, берет салфетку, утирается.

МЕРЯ. Что ж вы, прекрасный молодой человек? Я к тебе голублюсь, а ты от меня тетеришься! (Обнимает Левшу.)

ХИМИК-МЕХАНИК. Вот это так! Ну, Левша, поле с угородом - слово с уговором: пьем магарыч, что ли? Ты нам про блоху - тайный секрет, а мы тебя на Мере женим.

ЛЕВША (выскакивает из-за стола). Ой, не-ет: закон ежели принять с вашей аглицкой девкой... Это мне... это вроде как... никак невозможно.

МАСТЕР. Это почему же такое? Какие у вас напротив наших девок порочные приметы есть?

ЛЕВША. А это самое... например... одежда на них накручена... И не разобрать, что и для какой надобности... ежели...

МАСТЕР. Какое же тебе в том препятствие - в одежде?

ЛЕВША (конфузаясь). А значит... это... опасаясь - зорно будет... вроде глядеть - дожидаться, пока она из всего барахла разберется... ежели... это самое... Бог приведет... технически...

МАСТЕР. Ну, это ты, камрад, врешь: это оне у нас могут в лучшем виде. Ну-ка, Меря, покажи ему голую техничку!

Заводным голосом напевая нечто легкомысленное, Меря начинает скидывать с себя одежду. Левша рвется бежать - и рвется к Мере. Мастер его держит.

ЛЕВША. Ой, батюшки, не надо! Ой, у меня Машка в Туле! Ой, невтерпеж, держите меня! Ой, пустите! Ой, братцы, на все согласен - открою вам секрет, бегите за блохой скорее!

Химик-механик и Мастер, толкаясь, бегут за блохой. Левша тычется в одну трубу, в другую: ищет выхода - выхода нет. Меря продолжает "голую технику". Появляется ПОЛШКИПЕР.

(бегом к Полшкиперу.) Ой, скорее, скорее. Ой, братишка, - куда бы мне...

ПОЛШКИПЕР. Я аглицкого корабля - Полшкипер. Вам, Левша, чего надобно?

ЛЕВША. Ой, друг любезный, Полшкипер, вези меня скорее в Петербург; в царский дворец.

ПОЛШКИПЕР. Отчего ж, можно, пожалуйста.

Левша, скинув картуз, крестится. Оба уходят. ХИМИК-МЕХАНИК и МАСТЕР вбегают с шкатулкой.

ХИМИК-МЕХАНИК. Батюшки! А где ж Левша-то?!

МЕРЯ (хладнокровно). Смылся - в Питер.

МАСТЕР. Да это черт-те что!

ХИМИК-МЕХАНИК. За ним! (Свистит.)

Выскакивает ЯМЩИК.

В Питер! Гони во всю мочь!

ЯМЩИК. В два счета!

Уходят. Появляется корабль - с ПОДШКИПЕРОМ и ЛЕВШОЙ. Полшкипер крутит колесо, корабль движется.

ЛЕВША. Братишка, эй!

Полшкипер останавливается.

Скажи ты мне: в какой стороне Расея наша?

ПОЛШКИПЕР. Расея! А кто ее знает! Должно быть - там... (Показывает в публику.)

Занавес

Действие четвертое

1-й Халдей (на авансцене перед занавесом). Представление продолжается! А именно: снова царский дворец и разные роскошные украшения. Эй, занавес!

Занавес подымается. Как в первом действии - Петербург и царский дворец. ДВОРНИК с метлой стоит, грызет подсолнухи, шкурки бросает наземь. Зевает, уходит. Появляются Левша и Полшкипер, оба навеселе.

ЛЕВША. Неужли вроде добрались? (Увидел что-то на приступках, подымает.) Подсолнухи! Верно! Она самая - Расея! Эх, ты, коровушка ты моя-а! (Бросается на землю, целует ее. Встал. Полшкиперу.) Понимаешь ты, организм гололобый, что есть такое Расея?

ПОЛШКИПЕР. Нет, этого мы не понимаем.

ЛЕВША. Куды тебе: рылом не вышел! А ежели кромя - все-таки... полюбил я тебя, друг ты мой любезный. Вот как: по сих пор. Технически! Выпьем на расстань, а?

Полшкипер вынимает бутылку из кармана.

Это которая же по пальцам будет, ли по вашей арифметике?

ПОЛШКИПЕР. Три... тринадцатая. Ничего не значит. Пей, рус.

Пьют. Из оркестра на приступочки лезет РЫЖИЙ ЧЕРТ.

ЛЕВША (Полшкиперу). Ой, гляди, гляди!

ПОЛШКИПЕР (спокойно). Ишь ты: рыжий.

ЛЕВША. Скорей перекрестись - отвернись, это черт Мурин! Говорил тебе: тринадцатой не надо.

ПОЛШКИПЕР. Какой черт? У нас по арифметике доказано: никаких чертей нету. Это Морской Водоглаз, он - ручной, не бойсь. (Протягивает Черту кусок хлеба.) Лопай, ну?

Черт ест.

ЛЕВША (выше подбирая ноги). Оно, хотя-хоть, конечно, арифметика - она, вроде как... А ведь, ей-богу - хлеб жрет, а? Дай-ка, дай-ка, я попробую... (Берет у Полшкипера хлеб, протягивает Черту - боится, отдергивает руку.)

ПОЛШКИПЕР. Я тебе говорю: ручной. Ну вот - хочешь: я тебя в море швырну, и он мне тебя сейчас назад подаст?

ЛЕВША. Друг милый, ну давай я тебя поцелую - ну?

Целуются.

Ну... ну, хочешь - бери, швыряй черту своему... арифметическому - ну, швыряй!

Полшкипер подымает Левшу - бросить Рыжему Черту, тот протягивает уж лапы. Вбегает ПЛАТОВ. Рыжий Черт ныряет вниз.

ПЛАТОВ (Левше). А-а, шельма собачья, попался. Не-ет, от меня ни в земле, ни в воде не скроешься! Со дна морского достану! (Хватает Левшу за шиворот, ставит перед собой.) Ну, говори: где блоха? (Трясет Левшу.) Ну?

ЛЕВША (машет рукой). Та-та-та-тама.

ПЛАТОВ. Где тама?

ЛЕВША. У этих... у аглицких Мастеров осталась... вроде.

ПЛАТОВ. У-у-у! Зарезал, окаянный черт! Пропали, пропали!

ЛЕВША. Не... нет, они не пропали. Зачем пропали? Они сейчас тут будут. За нами всю дорогу без отдыха, вроде - гончие какие гнались... Да вон - колокольцы-то: слышь?

Слышны колокольцы. Появляются ХИМИК-МЕХАНИК и за ним МАСТЕР.

ХИМИК-МЕХАНИК. Ф-фу, батюшки! Насилу-насилу догнали... Здравия желаем, донской казак Платов!

ПЛАТОВ. Ммалчать! Где шкатулка с блохой?

ХИМИК-МЕХАНИК. А вот, пожалуйста. (Подает шкатулку.) Она самая.

ПЛАТОВ. Ну, коли вы мне не узнали, в чем секрет, - молитесь вашему чертову Богу!

ХИМИК-МЕХАНИК. Да, поди-кось от него узнай! (На Левшу.) Ты на пень - он на корягу, ты в воду - он ко дну: ёрзок больно.

ЛЕВША. Что, съел?

ПЛАТОВ (трясет Левшу). М-малчать, язва! (Другим голосом.) Молодец, Левша, не осрамил Тулу, не выдал! (Опять трясет.) Ну, говори теперь, растакой-сякой: что вы за секрет с блохой сделали? А не то твоей жизни пять минут сроку осталось: сейчас Царя приведут - и мне конец и тебе крышка.

ЛЕВША. Может, ежели, никакого секрета и нету? (Цыркает сквозь зубы.) А может, вроде и есть. Сейчас все... это самое... обнаружится.

ПЛАТОВ (свирепеет). Ну, коли я от Царя живым вернусь - уж я тебя, Бог даст... (Кулак - Левше. Свистовым.) Держать его, сукина сына, - да крепче!

ЛЕВША. Эх, Левша, красавец молодой - сгубила тебя судьба! Свистовые его уводят.

ХИМИК-МЕХАНИК (Мастеру). У вас без четверти?

МАСТЕР. Без четверти.

ХИМИК-МЕХАНИК. А у меня... (Лезет за часами - вытаскивает одну цепочку.) Часы-то... срезали! Батюшки!

Убегает, за ним - Мастер. В это время - музыка, парадным маршем входят ГЕНЕРАЛЫ и ЦАРЬ.

ЦАРЬ. Ну, здрастье, что ли?

ГЕНЕРАЛЫ. Здра-жла-ваше-цар-ство!

ЦАРЬ (приглядывается). А где же этот... мой... как его?

ГЕНЕРАЛЫ (выскакивают). Здесь я, ваше-цар-ство! - Здесь, ваше-цар-ство! - Здесь...

ЦАРЬ. А, да на кой вы мне! Ну, этот... как его... Платов!

КИСЕЛЬВРОДЕ (Платову). Ну, дружочек, пришел твой часик: иди, Царь тебя требует.

ПЛАТОВ. Крышка! Пропал - ни за нюх табаку! (Идет за Кисельвроде.)

ЦАРЬ. Ну, донской казак Платов, здравствуй, что ли.

ПЛАТОВ (гаркает). Здра-жла-ваше-цар-ство!

ЦАРЬ. Где был, что видел?

ПЛАТОВ. Так и так: был я, согласно собственноручному твоему царскому слову, на Тихом Дону.

ЦАРЬ. Ну, докладывай, какие у вас там казаки промеж себя междоусобные разговоры ведут.

ПЛАТОВ. А это, стал-быть, могу я только по тайности на ушко сказать.

ЦАРЬ. Ну, на тебе ухо - пользуйся.

Платов, подошедши к трону, шепчет Царю на ухо.

ЦАРЬ (Платову). Та-ак. Ладно! А больше, например, тебе нечего мне сказать?

ПЛАТОВ. Гм... Кхе!

Генералы вытягиваются на цыпочках, шушукуются.

ЦАРЬ (Платову). А что же ты, братец, про самое главное-то молчок? (Грозно.) А-а-а? Как же тульские твои Мастера против аглицкой нимфозории себя оправдали?

ГЕНЕРАЛЫ. Каюк! - Поплыл Платов! - Митькой звали.

ПЛАТОВ (бухается на колени). Так и так: хочешь - казни, хочешь - милуй. А только нимфозория окающая все в том же пространстве, и, стал-быть, ничего удивительней тульские мастера не могли сделать.

ЦАРЬ. Ну, брат, это уж - маком! Ты - старик мужественный, а что ты мне докладываешь - этого быть никак не может! Слышишь?

ПЛАТОВ (гаркает). Так точно, ваше-цар-ство, никак не может! (Другим голосом.) А только вот хоть ты тресни - так оно и есть.

ЦАРЬ. Да ты... Как это ты смеешь мне, Царю, поперек говорить? Подавай ее сюда!

Платов мнется.

Не слышишь? Уши заколодило? Сейчас давай - ну?

Платов подает Царю шкатулку. Царь открывает, смотрит.

Что за лихо! И впрямь: как лежала блоха - так и лежит. Не может того быть: тут тульские Мастера, наверно, что-нибудь сверх понятия сделали... (Услышал страдательную Левши на гармошке. Платову.) Постой-ка: это кто же там приятной музыкой занимается?

ПЛАТОВ. А это так... тульский один... стервец... У-у-у! (Свирепеет.)

ЦАРЬ. А ну-ка, поди спроси этого самого тульского насчет государственной нашей блохи.

Платов уходит.

Нет, уж чего-нибудь они с ей да изделали... (Пробует взять блоху.) А пропади ты пропадом! Палец у меня дюже толстый - не гожається...

ГЕНЕРАЛЫ. Послуньте пальчик, ваше-цар-ство! - Лизните их... Язычком, язычком!

КИСЕЛЬВРОДЕ. Дозвольте, я лизну!

ЦАРЬ. А, иди ты к ляду!

ПЛАТОВ (возвращается, подходит к Царю). Так и так: говорит ихний тульский Левша, надо, говорит, блоху эту в самый мелкий мелкоскоп глядеть - тогда-де все обнаружится.

ЦАРЬ (кричит сердито). Подать сюда самый мелкий мелкоскоп!

КИСЕЛЬВРОДЕ. Подать мелкоскоп!

Десять Генералов на рысях немедленно приносят громадную трубу, устанавливают ее поперек палаты - глядельным концом к публике; перед другим концом - держат шкатулку с блохой.

Пожалуйста, ваше величество. Как говорится, все наготове: сани до Казани, язык до Киева.

ЦАРЬ (смотрит в мелкоскоп). Ага... ага... Вот-вот-вот... Тьфу! Ничего не видать, ни синь-пороху!

Позвать сюда... этого самого... Лекаря-аптекаря.

КИСЕЛЬВРОДЕ. Веди! Зови!

Генералы бегут.

ЛЕКАРЬ-АПТЕКАРЬ (входит). Здра-жла...

ЦАРЬ (с досадой). Да знаю, знаю! Можешь мелкоскоп по глазам навести?

ЛЕКАРЬ-АПТЕКАРЬ. У-у, глаза отвести - это самое наше дело! (Налаживает мелкоскоп.) Раз, два, три. Готово! Пожалуйста!

ЦАРЬ (глядит в мелкоскоп). А-а! Ну-ка, ну-ка? Поверни спинкой. Так. Бочком. Пузичком... Тьфу! Да что же это такое? Все как было. (Платову.) Волоки сюда этого тульского твоего!

Платов мнется.

(грозно.) Ну-у? (Топают.) Веди, говорят тебе, а то у меня... знаешь?

ПЛАТОВ (бежит, на ходу читает). Помяни, господи, царя Давида и всю кротость его... Свят, свят, свят!

Свистовые ведут ЛЕВШУ. У него одна штанина в сапоге, другая наружу, воротник разорван, но идет бойко - от последней отчаянности, а может, и от хмеля. За ним Полшкипер и Платов.

(тычет Левшу в бок.) Ну, д-дьявол, иди теперь - сам за себя отвечай. У-у-у!

ЛЕВША. А что ж такое: и пойду, и отвечу - технически! (Цыркает сквозь зубы. С гармонией своей под мышкой подходит к Царю - кланяется.)

ЦАРЬ. Ну, здравствуй, что ли. Хм, вон ты какой! Ну, вот что, скажи-ка, братец, это что ж значит? Мы и так и эдак в мелкоскоп глядели, а ничего замечательного не усматриваем. Плохо вы работаете - плохо, плохо! Да.

ЛЕВША. Оно хотя-хоть вы и глядели, а только глядеть надо вроде с соображением... А то ведь и баран, ежели на новые ворота... тоже глядит. Да.

ГЕНЕРАЛЫ и КИСЕЛЬВРОДЕ (кидаются к Левше, дергают его сзади). Шшшш! - Шшшш!

ЦАРЬ. Оставьте над ним мудрить: пусть отвечает, как умеет. (Левше.) Ну, гляди сам: ничего не видать.

ЛЕВША. А вы бы, это... глаза-то получше разули, да. Этак не увидишь, конечно. Потому как наш секрет - кроме прочего ежели... так против этого размера невпример мельче.

ЦАРЬ. А есть, говоришь, секрет?

ЛЕВША (цыркает сквозь зубы). Ха! Вроде есть, конечно.

ЦАРЬ. Ну? Ей-богу?

ЛЕВША. Да уж есть.

ЦАРЬ. А как же его разглядеть - секрет-то ваш?

ЛЕВША. А ежели, например, одну блохиную ножку... это самое... под весь мелкоскоп... например... вот этак вот, да. И, значит, потом глядеть, технически, на каждую ихнюю блохиную пяточку. И тут, это, все удивление... и здрастье-пожалте. Да.

ЦАРЬ (показывает Левше на Лекаря-аптекаря). Поди, растолкуй ему, он это сейчас все устроит, согласно науке.

Левша идет неторопливо. Платов за ним с кулаками - от нетерпения инда трясется весь.

Ну, скорей, братец, - экой ты!

ЛЕВША (Царю). Скорей! А это ты слыхал: детей скоро, например, делать - слепые родятся?

ПЛАТОВ. Маалч... (Зажимает себе рот.)

ЛЕКАРЬ-АПТЕКАРЬ (налаживает мелкоскоп). Раз, два, три... Андерманир штук, пожалуйста!

ЛЕВША (Царю). Ну, теперь глядите, коли хотите: жалко мне, что ли?

Отходит к Полшкиперу, наливают, пьют.

ЦАРЬ (Генералам, которые толкуются около мелкоскопа, мешают). Брысь! Уйдите!

Генералы порскают кто куда. Царь глядит в стекло. Платов в стороне: начнет креститься - не докрестится, начнет - не докрестится, глаз не спускает с Царя.

Да ведь они эту самую блоху... Вот это, брат, ловко! Ах, чтоб тебе сдохнуть! Ах-ах-ах!

ГЕНЕРАЛЫ, ПЛАТОВ, КИСЕЛЬВРОДЕ (кидаются). Что? - Что? - Что такое?

ЦАРЬ (сияет). Ну, глядите, пожалуйста! Да ведь они, мошенники, исхитрились аглицкую эту блоху - на подковы подковать! Нимфозорию подковали, а? (Опять смотрит в мелкоскоп.) Стой-стой-стой! А это еще там что такое? Ну-ка, подверни!

Подкова крупнее, видны буквы.

(Царь читает.) "Егу. Пыч. Ору. Матер". (Левше.) Нехорошо, нехорошо! Чего же вы слова-то этикие пишете? Матер... Нехорошо!

ЛЕВША. Вот ведь необразованные! Эх вы... "матер"! Мастер.

ЦАРЬ. Гляди сам: матер.

ЛЕВША. Да это вроде для скорости - скорось - нешто не понимаете? "Оружейный Мастер Егупыч". Это подпись его.

ЦАРЬ. Так это он там еще и расписался, значит? Ах, нечистая сила! Ах-ах-ах! Глядите, пожалуйста! Ну, и стервецы!

Все кидаются глядеть.

ПЛАТОВ (кричит). Пус-сти! Пусти, р-расшибу! (Расшвыривает всех и, растопырив локти, впивается в мелкоскоп. Потом бежит к Левше.) Ну, брат... (Колотит себя в грудь, слов не хватает, с обожанием смотрит на Левшу.) Эх! (Вынимает из кармана стаканчик, подставляет Полшкиперу, чтоб налил, чокается с Левшой.) Ну... ах, чтоб тебе! Ну, ладно, живи, так и быть! Пес с тобой! Прощаю! Все прощаю!

ЦАРЬ (Платову). Ну-ка, где твои англичане? Давай их сюда. Платов бежит за англичанами.

ХИМИК-МЕХАНИК (сбросив колпак и очки Лекаря, подходит к Царю). А вот я - англицкий Химик-механик, а это мои дорогие товарищи, которые в одно мгновение могут произвести блоху и прочие удивления.

ЦАРЬ. Ну-ка, ну-ка, погляди, какая есть наша тульская техника напротив вашей научной блохи?

МАСТЕР (глядит). Под... под... Подковали, а? Да это черт-те что!

ХИМИК-МЕХАНИК (глядит). Н-дда-а! Это - не народ, это какие-то варвары!

ЦАРЬ (доволен). Ха-ха-ха-ха-ха!

ЛЕВША (Химику-механику). Что, гололобые, съели? (Показывает ему фигу.)

ХИМИК-МЕХАНИК. Это еще поглядим, кто съел, а кто и подавился. Ты вот ее заведи, попробуй.

ЛЕВША. А что ж такое? И за... и заведу. Очень даже просто... (Заводит.)

Музыка начинает: "Дрын-дрын" - и обрывается.

Это... это что же? Постой... Это она... знычь... вроде, не мо... не может больше?

ХИМИК-МЕХАНИК. Танцевать-то? Не может.

ЛЕВША (в ужасе). Из... из... изгадили, знычь? Мы? Я?

ХИМИК-МЕХАНИК. Ты. Что я тебе про арифметику-то говорил - помнишь? Оно самое.

ЛЕВША (стучит себя мослаком по лбу). Кобель! Рукосуй! Дьявол! (Шевелит блоху. В отчаянии.)

Не... не танцует! (На Химику-механика - с кулаками.) Ты - ты... зачем мне сказал? Уйди... Уйди, окаанный! Уйди от греха!

Химик-механик уходит.

ПОЛШКИПЕР (Левше). Плю... плюнь, камрад!

ЛЕВША. Не танцует... Конец мне, братишка! По... понимаешь ты, не танцует!

ПОЛШКИПЕР. На... на! Пей скорей... Соси, милай... (Наливает Левше.)

ЛЕВША (стуча зубами, пьет). Эх... Жизнь наша - копейка, судьба - индейка! Ну, пропадать - так с музыкой! (Заводит на гармошке.)

КИСЕЛЬВРОДЕ и ГЕНЕРАЛЫ (кидаются к Левше). Ш-ш-ш! - Что ты? - Рехнулся?

ЦАРЬ (оборачивается к Левше). Да он еще тут? А я и забыл про него! (Подходит к нему.) Ну, брат, вот что: утешил ты меня - по сих пор. Спасибо. (Обнимает его, лобызает.) Проси, Левша, чего твоя душа хочет. Вот хочешь - полным генералом в отставке тебя сейчас произведу?

ЛЕВША (показывает пальцем на Генералов). Это вот лы-лы-лысые-то которые? (Цыркает сквозь зубы.) Нету моего согласия, чтоб в лысые. Что меня Машка тогда не... не... не будет обожать - поэтому. Только она одна у мене и осталась.

ПОЛШКИПЕР (навеселе изрядно, мотает головой). В-вер-но, камрад!

ЦАРЬ. Ну, коли так, жалую тебе с придворного певчего парадный кафтан. Давай сюда кафтан. Эй! Живо!

Приносят кафтан, напяливают его на Левшу. Кафтан на нем - как на вешалке.

(торжественно.) Граф Кисельвроде! Объявляю тебе народно: денег ему, мошеннику, дай сколько хочет. Сыпь - не жалеи! (Всем.) Ну, я - на боковую. Эй, музыка - расходный марш мне!

Под "расходный марш" - Царь и Генералы отбывают.

КИСЕЛЬВРОДЕ (подходит к Левше). Слышал? Ну, проси, да не запрашивай, милый.

ЛЕВША (еле лыко вяжет). Гля... гля... Машки... жалаю... червонцев на сто рублей, да серебра на тридцать, да бумажками пуд и три ччер... ччерти! Т-только она у меня и... и танцует...

КИСЕЛЬВРОДЕ. Ну, это, дружочек, завтра прошение подашь. А сейчас Царь жалует тебе двугривенный, как говорится, с своего плеча. Ну, иди, иди, нечего!

ЛЕВША (глядит на двугривенный). Эх, жись наша индейская! Не... не видать мне Машки моей! (Полшкиперу.) Пойдем отсюда, друг любезный.

Выходят. (на приступках Левша растягивает гармошку.) Т-Тула-Тула перевернула...

ОКОЛОДОЧНЫЙ (вырастает на приступках около Левши). Это-то что такое? С-сстрога не разрешается!

ЛЕВША (перестает, тычет себя в грудь). У меня... может... все печенки вну... внутри сейчас полыхают - потому я испортил... А он мне: "Не разрешается..." Эх, гуляй! (Снова - на гармошке.) Тула-Тула-Тула-я, Тула родина моя!

ОКОЛОДОЧНЫЙ. Др-р-р! (Свистит.)

Выскакивают ГОРОВОДЫЕ и ДВОРНИК.

ЛЕВША (Полшкиперу). Вот, брат, у вас это за деньги, а у нас... фр-фр-фараоны бесплатно... вроде... И-эх, Тула-Тула перевернула, ко дну козырем пошла...

ОКОЛОДОЧНЫЙ (Городовым). Тузи!

ЛЕВША. Не трожь... кафтан... каф... каф... (Затихает.)
Городовые, окружив густо, бьют Левшу.
ПОЛШКИПЕР (мечется кругом, кричит). Стой, стой! Нельзя! Душу... Душу-то! Стой!
ОКОЛОДОЧНЫЙ. Так. В хобот. В хряпало. В загривок.
Городовые сбрасывают куда-то уже недвижимого Левшу. Дворник замечает метлою следы. Уходят.
ПОЛШКИПЕР (бежит к рампе). Ой, батюшки, убили! Утоп! Ой, батюшки! (Убегает, последние слова слышны уже издали.)
Тотчас же на сцене темнеет. На просцениуме появляются Халдеи.
ХАЛДЕЙ ДЕВКА МАШКА (причитает). Ой, да голубь ты сизый мо-о-ой! Да на кого ж ты меня споки-и-инул...
1-Й ХАЛДЕЙ. Ну что, что? Вот дуры бабы! Ну, чего нюни распустила?
ДЕВКА МАШКА. Левшу больно жалко! Не видать мне его, голубчика, до кончины до моей!
1-Й ХАЛДЕЙ. А я-то на что же! Гляди!

Свистит в два пальца. На сцене свет. Из печки вываливается ЛЕВША с гармошкой. Встает, подбегает к Халдейке.
ЛЕВША. Машка! Никак ты?
ДЕВКА МАШКА. Левша, красавчик ты мой!
ЛЕВША. Машка! А Машка!
МАШКА. Что?
ЛЕВША. Пойдем обожаться!
Медленно уходят. Левша играет на гармошке.
ХИМИК-МЕХАНИК (публике). С благополучным вас окончанием и затем до скорого свидания.
Просим честной народ не забывать нас и вперед!
Занавес